

ПОКА РАБОТАЕТ КУХНЯ

СЕРГЕЙ ЛИСОВ

Сергей Лисов

Пока работает кухня

<https://litres.ru/74636474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повар Виктор Журавлёв возвращается в родной Озёрск, рассчитывая через год уехать вместе со взрослым сыном и открыть мастерскую. Но в городе закрывают последнюю круглосуточную больницу, а ближайший стационар находится в семидесяти двух километрах. На бумаге старое здание заменяют дневным кабинетом и санитарной машиной. На деле ночью людям негде дожидаться врача, срочного анализа и перевода.

Виктор пытается помочь тем, что умеет: кормит застрявших пациентов. Его самовольный поступок оборачивается недостатчей на заводской кухне и разрывом общего плана с сыном. Чтобы добиться настоящей помощи, ему придётся отказаться от роли незаменимого спасателя и потребовать не красивых обещаний, а оплаченных смен, работающих машин и открытых сроков. «Пока работает кухня» — роман о малом городе, взрослом отцовстве и разнице между сохранением знакомых стен и сохранением жизни.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Обед без второго	6
Глава 2. Дом на одну зиму	20
Глава 3. Семьдесят километров	45
Глава 4. Общий аванс	60
Глава 5. Последняя больница	73
Глава 6. Двести порций	90
Глава 7. Ночная одышка	105
Глава 8. Не довод	116
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Сергей Лисов

Пока работает кухня

От автора

Больница в небольшом городе — это не только врачи, койки и вывеска над входом. Для человека, который ждёт санитарную машину, значение имеют свет в комнате, возможность сдать анализ, чашка воды, горячая еда и знание, кто останется рядом ночью. Эти вещи легко назвать второстепенными, пока каждая из них работает.

Эта история не спорит с тем, что старое здание может стать опасным, специалистов может не хватать, а привычный порядок — перестать быть разумным. Она о другом: закрывая одно, недостаточно объявить, что помощь теперь находится в семидесяти километрах. Надо пройти этот путь вместе с теми, кто поедет, посчитать часы и увидеть всё, что осталось между домашней дверью и областной палатой.

Главный герой умеет готовить на сотни людей. Это полезное ремесло, но оно не делает его врачом, руководителем района или спасителем. Ему предстоит понять границы собственной работы и границы помощи взрослому сыну. Иногда забота означает поставить тарелку на стол. Иногда — не обещать, что одной тарелкой можно заменить систему. А иногда

— признать, что возвращение домой уже изменило договорённость, которую другой человек строил вместе с тобой.

Все персонажи, учреждения и события вымышлены. Медицинские и организационные обстоятельства служат развитию художественного сюжета и не заменяют профессиональных рекомендаций.

Глава 1. Обед без второго

Виктор заметил пропажу больницы по пустой строке между цехом и охраной.

Каждое утро Роза Хамитовна прикалывала к пробковой доске лист с числом порций. Механический цех — сто восемьдесят. Сборочный — девяносто четыре. Охрана — двенадцать. Больница — сорок первое и двадцать семь второе. Цифры менялись на две-три тарелки, но строка оставалась на месте столько лет, сколько Виктор помнил заводскую столовую.

В понедельник напротив больницы стояло: «Обед — 38. Ужин — 0».

— Ноль ошибочно поставили? — спросил Виктор.

Роза Хамитовна не подняла головы от накладной.

— Не ошибочно. С сегодняшнего дня только обед.

— А вечером они что едят?

— У них спроси.

Виктор снял лист, посмотрел на оборот. Иногда заведующая писала там пояснения: диета, перенос, разгрузочный день. Оборот был чистым.

— Верни, — сказала Роза Хамитовна. — Мне по нему мясо выдавать.

Он приколот лист обратно. В холодильнике лежали коробки с размороженным минтаем. По расчёту выходило три-

ста восемьдесят порций, включая больничные. Виктор взвесил первую партию, проверил запах и плотность филе. Рыба была нормальной, только в двух кусках осталось слишком много льда. Он записал вес после разморозки и отложил их отдельно.

Работа не позволяла долго думать о нуле. К девяти надо было поставить крупу, приготовить соус, нарезать морковь и проверить бульон для супа. Первая смена завода выходила на обед в одиннадцать двадцать, а больничная машина забирала термосы в одиннадцать.

Виктор распределил обязанности. Лена занялась рыбой, Мансур — котлом с супом, сам он принял гречку и пересчитал гастрорёмкости. Большие металлические лотки стояли на стеллаже вверх дном. На крышках чёрным маркером были написаны участки. Две ёмкости с буквой «Б» блестели сильнее остальных: их чаще мыли вручную, потому что больничная посудомоечная машина не принимала такой размер.

Одна ёмкость прежде шла на обед, вторая — на вечер. Виктор снял обе.

— Зачем две? — спросила Лена.

— Пока не знаю. Пусть будут чистые.

— Роза сказала одну.

— Значит, одна останется.

К десяти кухня наполнилась паром. Вытяжка гудела, крышки котлов дрожали. Виктор проверял рыбу тонким шупом и записывал температуру каждой партии. Лена ворчала,

что раньше повара обходились без тетради.

— Раньше и градусник был один на весь завод, — ответил Виктор. — Только травились тоже не по тетради.

В десять сорок он начал раскладывать больничные порции. Суп шёл отдельно, рыба с гречкой отдельно, соус — в маленькой ёмкости. Тридцать восемь первых блюд, тридцать восемь вторых. В листе заказа рядом с каждой строкой стояла подпись диетсестры Валентины Суховой.

— Странно, — сказал Виктор.

— Что теперь? — спросила Роза Хамитовна.

— Раньше Валя заказывала сорок одно первое и двадцать семь второе. Троим без второго по диете. Сегодня тридцать восемь и тридцать восемь.

— Значит, людей выписывают.

— Тогда почему вторых больше, чем вчера?

Роза Хамитовна вытерла руки и взяла лист.

— Позвони.

Телефон больничной кухни долго не отвечал. Потом трубку сняла Валентина.

— Столовая слушает, — сказала она по привычке.

— Валя, это Виктор с завода. Заказ вижу. Все тридцать восемь получают второе?

— Все, кто останется к обеду.

— А вечером?

В трубке что-то звякнуло.

— Вечером кухни не будет.

— Совсем?

— Совсем сегодня. Я до двух, потом сдаю ключи.

— А люди?

— Кого выпишут, кого переведут. Четверо ждут машину.

Если не успеют, дадим сухой паёк.

— Какой паёк?

— Чай, печенье. Что осталось.

Виктор посмотрел на вторую пустую ёмкость.

— Я могу положить гречку на вечер. У нас расчёт был с запасом.

Роза Хамитовна услышала и подошла ближе.

— Не можешь, — сказала она достаточно громко для трубки.

Валентина помолчала.

— Не клади без заказа. Мне принимать некому. В два часа кухню опечатают.

— Почему сегодня? Говорили, до конца месяца.

— Конец месяца для коек. Кухню закрывают раньше. Оборудование должны описать.

— Кто решил?

— Виктор, у меня ревизия через пятнадцать минут. Привозите обед как обычно.

Она отключилась.

Роза Хамитовна забрала у Виктора телефон и положила возле накладных.

— Тридцать восемь и тридцать восемь. Не сорок, не семь-

десять шесть.

— Еда останется.

— Она не останется. Её съест смена по утверждённому меню или мы уменьшим закладку, пока можно.

— Рыба уже разморожена.

— Тогда увеличим порцию в пределах выхода и сделаем сотрудникам. Больница за неё не платит.

— Там четверо ждут машину.

— А в сборочном сто двадцать человек ждут обед, за который завод перечислил деньги. Ты хочешь вынуть из их кастрюли?

— Я хочу положить четыре порции.

— Тогда скажи точно, из чьих.

Виктор не ответил. В кухне работали семнадцать человек, а обедали почти триста. Четыре порции казались мелочью, пока их не приходилось вычитать из конкретной строки.

В одиннадцать без пяти приехал больничный фургон. Раньше за рулём был плотный мужчина Степан, который всегда приносил подписанный лист и две чистые ёмкости. Сегодня из кабины вышел санитар Коля. Он открыл задние двери. Внутри стояли коробки с папками, два свёрнутых матраса и мешки с постельным бельём.

— Ты еду рядом с бельём повезёшь? — спросил Виктор.

— Бельё чистое.

— Неважно. Термосы должны стоять отдельно и закреплённо.

— Больше машины нет.

Виктор позвал Розу Хамитовну. Она осмотрела кузов и отказалась грузить.

— Освободи площадку, протри, поставь ремни. Или вызывай другую машину.

Коля вспыхнул.

— У нас людей переводят. Я не могу бельё туда-сюда катать.

— Тогда сначала отвези бельё.

— Обед остынет.

— В закрытом термосе не остынет за двадцать минут.

— Вы издеваетесь? Больницу закрывают, а вы про ремни.

Роза Хамитовна взяла накладную.

— Именно поэтому про ремни. Если кастрюля опрокинется на бельё, ни еды, ни белья у вас не будет.

Коля позвонил кому-то, выругался без адреса и уехал. Вернулся через восемнадцать минут с пустым кузовом. Виктор сам протёр площадку чистой салфеткой, установил термосы и пропустил ремень через ручки.

— Вечером приедете? — спросил Коля.

— В заказе ноль, — ответила Роза.

Санитар посмотрел на неё так, будто ноль написала она.

— Там могут остаться люди.

— Пусть больница пришлёт заказ и укажет, кто принимает. Мы приготовим, если согласуют оплату и доставку.

— За четыре часа?

— За четыре часа можно сварить кашу. Нельзя за четыре часа придумать получателя и договор.

Коля захлопнул двери.

До конца обеда Виктор работал молча. Он не пересолил соус, не перепутал лопатки для сырой и готовой рыбы, не опоздал ни на одну раздачу. Когда основная смена ушла, в ёмкости осталось шесть порций гречки и пять кусков минтая. По правилам их можно было передать вечерней смене сотрудников, если хранить до раздачи при нужной температуре.

— Вот твои четыре порции, — сказала Лена. — И ещё одна.

— Это не мои.

— Отнеси, кто узнает?

Роза Хамитовна стояла у дальнего стола и, казалось, не слышала.

Виктор положил остаток в подписанную ёмкость для сотрудников и записал время. Сделал всё правильно. От этого стало хуже.

После смены он пошёл к больнице пешком. До неё было пятнадцать минут через заводской посёлок. Снег ещё не выпал, но земля затвердела, лужи покрылись тонким льдом. У ворот стояли две машины: санитарный микроавтобус с областными номерами и легковая с прицепом.

На крыльце лежали коробки. На каждой чёрным маркером было написано: «архив», «бельё», «посуда». Валентина

Сухова несла из подвальной двери ящик с кружками.

— Помочь? — спросил Виктор.

— Если донесёшь до прицепа.

Он взял ящик. Кружки стукались друг о друга, хотя были переложены полотенцами.

— Их куда?

— На склад поликлиники. Может, потом разберут.

— Люди уехали?

— Двоих забрали. Один выписался под расписку. Галина Петровна ждёт.

— Машину?

— Место. В области говорят, койка освободится после шести.

— Она обедала?

— Обедала. Вечером дам чай.

Виктор поставил ящик в прицеп.

— У нас осталось второе.

— Уже нельзя привозить. Кухня опечатана.

— В палате можно дать.

— Кто будет отвечать за хранение? Я после четырёх здесь не сотрудник кухни. Санитарка уйдёт в пять. Медсестра не должна принимать пищу неизвестно откуда.

— Из заводской столовой.

— Без накладной она неизвестно откуда.

Виктор хотел сказать, что Галина Петровна знает его с детства, что он готовил на свадьбу её дочери, что рыба про-

шла проверку и лежит в горячей ёмкости. Ни одно из этих обстоятельств не заменяло заказ.

Из двери вышла пожилая женщина в халате и пуховом платке. Одной рукой она держалась за косяк.

— Валя, телефон зарядить можно?

— Розетка у поста работает, Галина Петровна. Сейчас принесу удлинитель.

Женщина узнала Виктора.

— Журавлёв? Вернулся всё-таки?

— Вернулся.

— Надолго?

— На работу устроился.

— Это не ответ.

Она улыбнулась и закашлялась. Валентина взяла её под локоть.

— Вам на кровать надо.

— Я весь день на кровати. Хотела узнать, увезут ли.

— После шести обещали.

— Значит, после восьми.

Галина Петровна посмотрела на ящики.

— Кухню уже вынесли?

— Посуду, — ответила Валентина.

— А ужин?

Ни Валентина, ни Виктор сразу не ответили.

— Чай сделаем, — сказала Валентина. — Печенье есть.

— У меня сахар высокий.

— Есть несладкие галеты.

— От них только во рту сухо.

Она снова закашлялась. Валентина повела её внутрь.

— Домой иди, Витя, — сказала через плечо. — Сегодня ты здесь ничего не исправишь.

Виктор остался у прицепа. В открытой подвальной двери был виден край кухни: белая плитка, большой пустой стол, снятые со стены половники. Он спустился на две ступени, но за порог не вошёл.

На двери висел лист с печатью. В нём перечислялось оборудование: две плиты, котёл, холодильный шкаф, весы, мясорубка. Ни одного слова о людях, которые будут ждать после двух часов.

— Закрываем, — сказал мужчина из коридора. — Вы кто?

— С заводской столовой.

— Тогда вопросы в администрацию.

— Кому именно?

Мужчина назвал фамилию Коваль и областной номер. Виктор записал его на обороте старого чека.

Дома мать разогрела картофельное пюре и котлету. Лидия Андреевна ела рано, в половине шестого, и сердилась, если Виктор опаздывал без звонка.

— В больнице был? — спросила она.

— Откуда знаешь?

— Валя звонила. Просила старый термос, который у меня на антресоли.

— Ты дала?

— Сказала, пусть забирает. Он мне не нужен.

— В термосе еду нельзя раздавать без документов.

— А чай можно?

— Наверное.

— Вот и даст чай.

Виктор сел за стол. Котлета была вчерашняя, но мать поджарила её на сковороде, и края стали сухими.

— Ты знала, что кухню сегодня закрывают?

— В очереди говорили.

— Почему мне не сказала?

— Ты работаешь в столовой, а не в больнице. Думала, тебе там лучше знают.

— Нам прислали ноль.

— Какой ноль?

— На ужин.

Лидия Андреевна положила вилку.

— И что ты сделал?

— Приготовил по заказу.

— Значит, правильно.

— Там женщина осталась до вечера.

— Одна?

— Сегодня одна. Завтра не знаю.

Мать пододвинула ему хлеб.

— Если хочешь накормить женщину, купи ей еду на свои деньги. Только сначала спроси врача, можно ли. Не тащи с

завода.

— Дело не в одной женщине.

— Тогда одной кастрюлей не отделаешься.

Виктор посмотрел на записанный номер. Он уже представлял разговор: скажет про Галину Петровну, про ноль, про опечатанную кухню. В ответ ему назовут дату закрытия, приказ и расстояние до областной больницы. Он не знал, какие вопросы задать, кроме самого простого — что эти люди будут есть.

Антон позвонил в восемь. На экране появилась фотография мастерской: пустое помещение с серыми стенами, поднятыми воротами и новой проводкой под потолком.

— Хозяин закончил щиток, — сказал сын. — Можно ставить оборудование. Я нашёл подъёмник дешевле, но продавец ждать не будет.

— Сколько времени?

— До пятницы. Ты можешь перевести свою часть?

Виктор открыл банковское приложение. Деньги лежали на отдельном счёте. Он откладывал их два года, ещё до возвращения.

— Могу, — сказал он. — Завтра переведу.

— Не завтра. Сегодня зарезервируем, завтра он снимет объявление.

— Я сейчас посмотрю договор.

— Мы его уже смотрели.

— Ещё раз посмотрю.

Антон вздохнул.

— Пап, ты ведь не передумал?

— Нет.

— Ты говоришь так, будто Озёрск опять что-то придумал.

Виктор посмотрел на чек с номером Коваль.

— Больницу закрывают.

— Её пять лет закрывают.

— Сегодня закрыли кухню.

— И ты теперь будешь варить им суп?

— Я ничего не буду без договора.

— Тогда какое это имеет отношение к подъёмнику?

— Никакого.

Он перевёл свою часть денег. Антон сразу прислал подтверждение заказа.

— Через год открываемся, как договорились, — сказал сын. — Ты заканчиваешь сезон на заводе и переезжаешь.

— Как договорились.

После звонка Виктор вымыл тарелки. Мать ушла смотреть новости. В кухне тикали часы, холодильник включался и затихал. На столе лежали два подтверждения: перевод за подъёмник и телефон областной чиновницы.

Виктор подписал рядом с номером: «ужин — 0». Потом добавил: «кто принимает после двух; сколько машин; где ждут ночью».

Он не собирался спасать больницу. Завтра у него было триста шестьдесят четыре обеда, поставка крупы и проверка

холодильника. Через год — мастерская с Антоном.

Но прежде чем строка исчезнет с доски совсем, Виктор хотел узнать, чем её заменили. Ноль был точной цифрой. Только ответа в нём не было.

Глава 2. Дом на одну зиму

В комнате Виктора всё ещё стоял шкаф с наклейкой Олимпиады-80 на внутренней дверце.

Мать переклеивала обои дважды, меняла занавески и кровать, но шкаф не трогала. Он был сделан на мебельной фабрике ещё до закрытия леспромхоза, тяжёлый, с косой царапиной возле ручки. В детстве Виктор прятал за зимними пальто удочку, чтобы отец не заметил сломанное колено. Теперь за теми же пальто висели его две белые поварские куртки в прозрачных пакетах.

Он открыл шкаф в половине шестого утра и сразу почувствовал запах нафталина. Куртки не пахли: Виктор стирал их отдельно и держал застёгнутыми. На нижней полке стоял чемодан. Не пустой, но и не разобранный до конца. В нём лежали летние рубашки, документы из областного города, рулетка, старый набор ключей и папка с бумагами будущей мастерской.

Виктор достал папку, положил на кровать и проверил, не смялось ли подтверждение перевода за подъёмник. Бумага была ровной. Он распечатал её вчера у Розы Хамитовны после смены, хотя Антон сказал, что достаточно записи в телефоне.

На первой странице лежал предварительный договор аренды. Помещение — сто восемнадцать квадратных мет-

ров. Срок передачи — первое марта следующего года. Аванс — поровну от Виктора и Антона. На последнем листе были две подписи и синяя отметка владельца. Рядом Виктор хранил план: ворота, смотровая яма, верстак, место для подъёмника. Антон начертил всё в клетчатой тетради и потом перенёс в компьютер. На плане даже был маленький прямоугольник с надписью «чайник», потому что Виктор спросил, где они будут обедать.

Дом у матери был не возвращением, а остановкой перед этим помещением. Так Виктор объяснял себе каждый предмет, который не распаковывал.

Он убрал папку в чемодан и застегнул молнию. На табурете у кровати лежал телефон. За ночь никто из больницы не звонил, да и не должен был. Номер Елены Коваль оставался записанным на обороте чека. Виктор переложил чек в карман рабочей куртки, словно от этого вопрос становился частью смены.

На кухне мать уже включила свет. Лидия Андреевна сидела у стола в шерстяной кофте и чистила варёное яйцо. Перед ней стояла коробочка с таблетками на семь дней. Утреннее отделение было открыто.

— Ты чего встал? — спросил Виктор. — Я бы сам чай сделал.

— Ты бы сделал, а кружку оставил в мойке.

— Я вчера вымыл.

— Вчера вымыл. Сегодня ещё не успел.

Она разрезала яйцо пополам, посолила одну половину и протянула сыну.

— Ешь. На голодный желудок кофе пьёшь.

— У нас завтрак на работе.

— У вас работа, а не санаторий.

Виктор съел половину яйца стоя. В кухне было теснее, чем он помнил. Между столом и холодильником приходилось проходить боком, если дверца открыта. На подоконнике мать выращивала зелёный лук в банках из-под сметаны. Под батареей сушились её сапоги. Свои ботинки Виктор держал в прихожей на газете и каждое утро переставлял, потому что они мешали открыть шкафчик со счётчиком.

— Я сегодня позднее могу прийти, — сказал он.

— Почему?

— Зайду в администрацию. Узнаю про больницу.

Лидия Андреевна закрыла коробочку с таблетками.

— Ты вчера узнал. Закрывают.

— Я хочу узнать, что вместо неё.

— Поликлиника. Нам давно сказали.

— Поликлиника ночью закрыта.

— Ночью вызывают скорую.

— А если машина занята?

— Тогда ждут.

Она произнесла это без возмущения, как говорила о холодной воде после аварии: набирают в вёдра и ждут. Виктор посмотрел на её таблетки. Названий он не запоминал, но

знал порядок: маленькая белая утром, продолговатая после еды, половина розовой вечером. Мать сама раскладывала их по воскресеньям и сердилась, когда он пытался проверить.

— Ты в больницу часто ходила, пока меня не было?

— Когда надо было.

— Это сколько?

— Не считай меня пациенткой заранее.

— Я не считаю.

— Тогда не смотри на коробку.

Виктор отвёл взгляд. На холодильнике магнитом была прижата квитанция за газ. Под ней — листок, где мать записывала показания давления. Цифры шли столбиком за три месяца. Некоторые были обведены ручкой.

— Ты эти обведённые врачу показывала?

— Показывала. Таблетки поменяли.

— В области?

— Здесь, у Софьи Борисовны.

— А если ночью поднимется?

Лидия Андреевна вздохнула и подвинула ему хлебницу.

— Витя, ты приехал четыре месяца назад. Четыре месяца у тебя всё временное: тапочки временные, кружка временная, даже гвоздь для куртки не забиваешь, потому что через год уедешь. А больницу решил устраивать навсегда. Может, сначала выберешь что-нибудь одно?

— Одно другому не мешает.

— Пока не мешает.

Он хотел возразить, но увидел, что мать смотрит не на него, а на дверь его комнаты. Там в коридоре стояли две коробки. В одной — книги, в другой — посуда из областной квартиры. Виктор привёз их в августе и не распаковал. Коробки отнимали половину прохода, мать задевала их сумкой, возвращаясь из магазина.

— Сегодня уберу, — сказал он.

— Куда?

— В сарай.

— Посуда зимой отсыреет.

— Тогда в шкаф.

— В шкафу твой чемодан.

— Разберусь.

Лидия Андреевна доела яйцо и встала. Она двигалась осторожно первые несколько шагов, потом распрямлялась. Виктор заметил это ещё в день приезда, но мать сказала, что у неё просто затекает колено.

— Не опоздай, — сказала она. — А то больницу спасёшь, а завод останется без каши.

На улицу он вышел в шесть двадцать. Мороз за ночь прихватил лужи, и по краям дороги белела тонкая соль. До завода Виктор ходил пешком: двадцать семь минут быстрым шагом. Автобус делал крюк через вокзал и довозил за тридцать пять.

Возле старого универмага он увидел объявление об аренде однокомнатной квартиры. Лист был приклеен к стеклу из-

нутри, номер написан крупно. Виктор остановился, сфотографировал, затем пошёл дальше. Он уже трижды звонил по похожим объявлениям. Одна квартира пахла кошками, во второй хозяйка требовала оплату за полгода, третья находилась на окраине, откуда зимой пришлось бы добираться с пересадкой. Брать хорошую квартиру на десять месяцев казалось расточительством. Покупать мебель — тем более. У матери была свободная комната, а он отдавал ей половину коммунальных расходов и приносил продукты.

Так выглядел разумный расчёт. В нём не было места коробкам в коридоре, неудобному проходу к холодильнику и материнскому «пока не мешает».

В столовой свет уже горел. Мансур принимал молоко, Роза Хамитовна сверяла накладную. На доске висел новый лист заказов. Больница — тридцать два обеда, ужин — ноль.

Виктор прочитал строку и на этот раз не стал снимать лист.

— Уехала вчера женщина? — спросил он у Розы.

— Какая женщина?

— Которая ждала место.

— Я заведую столовой, Витя. Не диспетчерской.

Он позвонил Валентине, пока переодевался. Телефон был выключен. В семь утра звонить в больничное отделение он не стал.

Завтрак прошёл без задержек. После него Виктор занялся рассольником. Он перебрал солёные огурцы, отбраковал два

мягких и взвесил остальные. Мансур процеживал бульон. Лена резала картофель и рассказывала, что её соседку вчера выписали раньше срока.

— Сказали, дома долечится, — говорила она. — Зять на машине забрал. А у кого зятя нет?

— Выписали по состоянию или потому, что закрывают? — спросил Виктор.

— Я врач, что ли?

— Тогда не говори «раньше срока».

Лена стукнула ножом по доске.

— Опять ты за своё. В городе все знают, только тебе бумагу подавай.

— Если все знают разное, бумага не помешает.

Роза Хамитовна прошла между столами, проверила нарезку и остановилась возле Виктора.

— После смены в администрацию собрался?

— Мать сказала?

— Озёрск сказал. Твоя мать утром в аптеке встретила мою сестру.

— Быстро.

— Здесь новости доходят раньше людей. Ты только не представляйся от завода.

— А как представиться?

— Виктором Журавлёвым. Жителем города. Мы тебе не поручали переговоры.

— Я и не собирался.

— Собирался ты вчера четыре порции отдать, а сегодня уже номер Коваль носишь. Я тебя знаю с тех пор, как ты учеником весь котёл манной каши комками сделал.

— Один раз было.

— Потому и помню.

Она взяла из его рук ведомость и ткнула пальцем в строку с больничным обедом.

— Это договор. Пока здесь стоит тридцать два, мы делаем тридцать два. Захочешь узнать, чем заменят больницу, узнавай. Но не обещаю нашу кухню.

— Не обещаю.

— Даже если кажется, что справимся.

— Понял.

— И не называй остатками то, что куплено на чужие деньги.

Последнее было сказано тише. Виктор кивнул.

К одиннадцати приехал прежний водитель Степан. Кузов был пустой, ремни лежали на месте. Он привёз подписанную накладную за вчера и новую на тридцать две порции.

— Галина Петровна уехала? — спросил Виктор, закрепляя термос.

— В девять вечера.

— Накормили?

— Галетами. В области уже дали кашу.

— Семь часов ждала?

— С утра больше. Место подтвердили только к шести.

— А сегодня кого повезёшь?

— Пока никого. После обеда двоих, если выпишут на-
правления.

Степан затянул ремень и проверил пряжку.

— Ты чего расспрашиваешь?

— Хочу понять, что будет, когда стационар закроют.

— То же, только без палат.

— Где люди будут ждать машину?

— В поликлинике, наверное.

— Она до скольких?

— До восьми.

— А после восьми?

Степан пожал плечами.

— Звони в скорую.

— Ты в скорой работаешь.

— Я на перевозке. Если экстренный вызов, едет бригада.

Если перевод плановый, еду я. Не смешивай.

— А если человеку нельзя домой, но он ещё не экстрен-
ный?

— Вот это врачу и задай.

Степан закрыл двери. Виктор успел увидеть на полу сло-
женное одеяло и пустую канистру для воды.

После обеда Роза отпустила его на двадцать минут рань-
ше. В районной администрации дежурная отправила Викто-
ра в отдел обращений. За стеклянной перегородкой сидела
молодая женщина и ставила штампы на письма.

— Мне про закрытие больницы, — сказал Виктор.

— Письменное обращение или запись на приём?

— Вопрос.

— Вопрос можно изложить письменно.

Она подала ему лист и ручку на шнурке.

Виктор сел за стол у стены. Сверху было напечатано: «Фамилия, имя, отчество», ниже — место жительства, телефон, суть обращения. Он написал адрес матери и остановился. Это был его официальный адрес с августа, но строка всё равно казалась чужой. В областном городе он выписался из квартиры после развода. Регистрацию оформил здесь, потому что завод требовал документы, а жить где-то было нужно.

В графе «суть» он сначала написал: «Чем будет заменена больница?» Потом зачеркнул. Ему ответят: поликлиникой и санитарным транспортом. Он достал чек и переписал вопросы точнее.

Где после закрытия круглосуточного стационара будет находиться человек, которому врач назначил перевод, если место в области ещё не подтверждено? Кто отвечает за него после закрытия поликлиники? Сколько санитарных машин одновременно доступны району? Где опубликован порядок ночного ожидания и получения еды, воды и назначенных лекарств?

Он перечитал. Последний вопрос выглядел так, будто Виктор требовал ужин для каждого посетителя. Он добавил: «при ожидании продолжительностью несколько часов».

Женщина за стеклом приняла лист и поставила штамп на отрывном талоне.

— Ответ в течение тридцати дней.

— Больницу закроют раньше.

— Срок установлен для обращений граждан.

— А можно узнать сейчас?

— Запись на приём к заместителю главы — на следующий четверг.

— Елена Сергеевна Коваль здесь бывает?

— Она областной сотрудник. У нас её графика нет.

— Мне дали её номер.

— Тогда позвоните по номеру.

На крыльце Виктор набрал Коваль. Ответил секретарь. Выслушал фамилию, спросил организацию.

— Я как житель Озёрска.

— По какому вопросу?

Виктор перечислил четыре пункта короче, чем в обращении.

— Направьте официальным письмом, — сказал секретарь.

— Уже направил в районную администрацию. Но стационар закрывают до ответа.

— Решение о закрытии принято не вчера. Информация размещалась заранее.

— Где порядок ожидания ночью?

— Я не уполномочен консультировать по медицинской

маршрутизации.

— Соедините с тем, кто уполномочен.

Секретарь помолчал.

— Елена Сергеевна проводит совещание. Я могу записать ваш телефон.

— Запишите.

Виктор продиктовал номер. Он не ожидал обратного звонка, но секретарь повторил цифры без ошибки.

По дороге домой Виктор зашёл в магазин крепежа. Купил два крючка, дюбели и короткое сверло по бетону. Потом вернулся к объявлению об аренде квартиры и позвонил.

Ответил мужчина. Квартира находилась на третьем этаже, пять минут до завода, мебель была. Цена оказалась почти равна трети Викторовой зарплаты, отдельно свет и вода. Сдать могли с первого числа.

— На какой срок вам? — спросил мужчина.

— До весны.

— До этой весны?

— До следующей.

— Тогда договор на год. Если раньше съедете, залог не возвращается.

— Я подумаю.

— Думайте сегодня. Уже двое смотрят.

Виктор сбросил звонок и открыл банковское приложение. После перевода за подъёмник на отдельном счёте осталось меньше, чем он привык видеть. Аренда за год съела бы день-

ги на верстак и часть инструмента. Он прошёл мимо дома с объявлением, даже не попросив показать квартиру.

Мать была во дворе. Она держала мешок с сухими листьями, хотя листья давно следовало убрать. Ветер разорвал край, и половина высыпалась возле калитки.

— Оставь, — сказал Виктор. — Я соберу.

— Я уже собрала. Это мешок плохой.

Он принёс из сарая другой и пересыпал листья руками. Мать стояла рядом с совком.

— В администрацию ходил?

— Написал обращение.

— Значит, через месяц узнаешь, что больницу закрыли.

— Ещё Коваль позвонил.

— И что она?

— На совещании.

— Очень полезный день.

Виктор завязал мешок.

— Я квартиру нашёл возле завода.

Лидия Андреевна сразу перестала улыбаться.

— Зачем?

— Чтобы тебе не мешать.

— Ты мне мешаешь только коробками.

— Не только коробками.

— Кто сказал?

— Никто не должен говорить.

Мать подняла совок и пошла к сараю.

— Треть зарплаты, — сказал Виктор ей вслед. — И залог пропадёт, если уеду раньше года.

— Тогда не снимай.

— Ты сама утром сказала выбрать.

— Я сказала не делать вид, что ты одновременно здесь и не здесь.

Она поставила совок возле двери.

— Живи до весны, до следующей зимы, сколько договорился. Только распакуй чашки. Я каждый день прохожу мимо них и не понимаю: ты приехал или вещи оставил.

Виктор занёс коробку с посудой на кухню. Мать освободила нижнюю полку буфета. Там стояли банки с крупой и эмалированная кастрюля без крышки. Кастрюлю она хотела унести в сарай, но Виктор выбросил её: на дне проступила ржавчина.

— В ней отец рыбу солил, — сказала мать.

— Поэтому она и проржавела.

— Всё равно могла пригодиться.

— Для чего?

— Не знаю. Но место же было.

Он вынул из коробки четыре тарелки, две кружки и стеклянную салатницу. Посуда была из его прежней квартиры. После развода Наташа оставила ему то, чем почти не пользовалась. Синие тарелки Виктор купил сам, когда Антон ещё учился в техникуме и приходил к нему по выходным. Одна была со сколом. Он завернул её в газету для мусора, потом

развернул и поставил отдельно.

— Выбрасывай, — сказала мать.

— Ты только что кастрюлю защищала.

— Кастрюля память. Тарелка — просто битая.

— Удобно.

— Конечно. Это мой дом.

Она сказала это без нажима, но Виктор услышал. Его чашки получили полку по разрешению. Его вещи можно было оставить до весны или до следующей зимы. Ни регистрация, ни половина квартплаты не меняли того, чей это дом.

Он принёс дрель и прикрутил в коридоре два крючка. Бетон крошился, первый дюбель прокрутился. Пришлось взять толще. Мать держала пылесос возле отверстия и ворчала, что крючки висят слишком высоко.

— Для моей куртки нормально, — сказал Виктор.

— А гостям?

— Как много у нас гостей?

— Теперь ни одного. Куртку повесить некуда.

Он просверлил ниже третье отверстие и переставил один крючок. На верхний повесил рабочую куртку, на нижний — материнское пальто. Коридор сразу стал похож не на склад, а на тесный дом, где двое договорились о стене.

В комнате Виктор разобрал коробку с книгами. Половину поставил на полку, старые учебники по организации питания сложил возле чемодана. Один справочник был издан двадцать лет назад. Виктор полистал страницы с нормами

хранения, нашёл карандашные отметки и убрал его в пакет на выброс.

Папку мастерской он снова достал. На этот раз не положил обратно в чемодан, а поставил на открытую полку рядом с документами завода. Сверху прикрепил календарь. До первого марта оставалось тринадцать месяцев, а не год: договор они заключили заранее, чтобы владелец закончил проводку и ворота. Виктор зачеркнул прошедшие месяцы и написал возле марта: «передача».

Телефон зазвонил, когда он складывал пустые коробки. На экране высветился областной номер.

— Виктор Павлович? — спросил женский голос. — Елена Сергеевна Коваль. Мне передали ваши вопросы.

Он сел на край кровати.

— Да. Спасибо, что перезвонили.

— Вы представляете заводскую столовую?

— Нет. Я там работаю, но звоню от себя.

— Тогда откуда у вас сведения о питании пациентов?

— Мы возим обеды. Вчера заказ на ужин стал нулевым, кухню опечатали. Одна женщина ждала перевода до девяти вечера.

— Стационар ещё работает. За организацию питания до выписки или перевода отвечает больница.

— После двух часов принимать еду было некому.

— У вас есть зафиксированный отказ администрации больницы?

— Есть разговор с диетсестрой и ноль в заказе.

— Заказ по договору не равен медицинскому документу.

— Я и не говорю, что равен. Я спрашиваю, как будет после закрытия.

В трубке зашелестели бумаги.

— После закрытия стационара экстренная помощь оказывается бригадой скорой помощи с последующей доставкой по показаниям. Плановые пациенты получают направления в областные учреждения. В Озёрске сохраняется поликлиника и дневной стационар.

— Дневной до которого часа?

— Режим утвердит районная медицинская организация.

— Где ждать ночью, если человек уже не может домой, но машина ещё не приехала?

— Формулировка «не может домой» медицински неопределённа. Если состояние требует экстренной помощи, вызывают скорую.

— А если врач назначил перевод, место подтвердят через шесть часов, а скорая на вызове?

— Санитарная перевозка и экстренная бригада — разные службы.

— Я знаю. Водитель объяснил.

— Тогда не смешивайте их.

— Я не смешиваю. Я спрашиваю, где человек лежит эти шесть часов.

Елена Сергеевна замолчала. Виктор слышал голоса на её

стороне и короткий сигнал другого телефона.

— В утверждённой схеме есть кабинет неотложной помощи при поликлинике, — сказала она. — До двадцати часов.

— А после двадцати?

— Виктор Павлович, вы строите случай из нескольких предположений.

— Вчера женщина уехала в девять.

— Вчера стационар работал. Она находилась в палате под наблюдением.

— В следующем месяце палаты не будет.

— В следующем месяце изменится порядок направления. Плановые переводы не будут начинать к вечеру.

— Болезнь тоже по плану начнётся утром?

Он пожалел о фразе сразу. Она прозвучала как желание поймать чиновницу на очевидности. Елена Сергеевна ответила ровно:

— Экстренные состояния обслуживает скорая помощь. Я повторяю это не для ухода от ответа, а потому что нельзя заранее называть каждого заболевшего человеком, ожидающим плановую перевозку.

— Хорошо. Сколько машин?

— По действующему расписанию одна бригада скорой помощи в Озёрске, резерв обеспечивается межрайонной подстанцией. Санитарный транспорт выделяется по заявкам медицинской организации.

— Где межрайонная подстанция?

— В Сосновом.

— Это сорок километров в другую сторону.

— Тридцать семь.

Виктор записал цифру на календаре возле марта, потом зачеркнул и взял отдельный лист.

— А сколько санитарных машин?

— Я не буду называть число без проверки. Машина может числиться в организации и находиться в ремонте. Направьте вопрос письменно.

— Уже направил.

— Тогда получите точный ответ.

— После закрытия.

— Я буду в Озёрске в пятницу на встрече с сотрудниками. Открытое собрание для жителей запланировано на следующую неделю. Объявление разместит администрация.

— Можно прийти в пятницу?

— Встреча рабочая.

— Я не сотрудник больницы.

— Поэтому приходите на открытое собрание.

Виктор посмотрел на папку мастерской. До следующей недели ничего не менялось: смена, дом, аванс, календарь. И всё же впервые вместо слухов появилась дата.

— Елена Сергеевна, вы считаете замену достаточной?

— Я считаю, что оставлять людей в аварийном корпусе без полного штата нельзя. Достаточность замены проверяется по работе, а не по намерениям. Для этого нужны конкрет-

ные случаи, время вызовов и решения врачей.

— Вчерашнее ожидание считается?

— Пока стационар открыт, это случай действующей больницы. Но запишите время, если оно вам известно. И не собирайте медицинские сведения без согласия пациентов.

— Я не собираю диагнозы.

— И правильно. Если у вас вопрос по питанию, направьте его отдельно. Не обещайте поставку от имени завода, пока нет договора.

Виктор невольно усмехнулся.

— Мне сегодня уже двое это сказали.

— Значит, стоит услышать.

Она попрощалась и отключилась.

Лидия Андреевна стояла в дверях. В руках у неё была пустая коробка.

— Чиновница? — спросила она.

— Чиновница.

— Ругались?

— Нет.

— Жаль. Ты после тихих разговоров дольше ходишь сердитый.

Виктор показал ей лист: одна бригада, резерв за тридцать семь километров, поликлиника до восьми, число санитарных машин неизвестно.

— Это ты зачем мне? — спросила мать.

— Чтобы знала.

— Я знаю номер скорой.

— Здесь не номер.

— А что я должна сделать с твоими километрами?

Он не нашёл ответа. Лист был нужен ему, но от тревоги матери не защищал. Наоборот, предлагал ей заранее представить пустую дорогу и занятую машину.

— Ничего, — сказал Виктор. — Это мне для собрания.

Он убрал запись в папку рядом с обращением. Папка мастерской стояла отдельно. Две стопки не смешивались.

Вечером позвонил Антон. Он был в новом помещении и показывал по видеосвязи ящик с деталями подъёмника. Камера дрожала, за спиной сына гулко отдавались шаги.

— Продавец всё привёз, — сказал Антон. — Направляющие нормальные. Только крепёж докупим. Видишь табличку?

Виктор прищурился. На металлической пластине были выбиты год выпуска и допустимый вес.

— Ближе поднеси. Не вверх ногами.

Антон засмеялся и повернул телефон.

— Теперь?

— Теперь видно. Кабель проверил?

— Завтра электрик посмотрит. Я сам не полезу, помню.

— И правильно.

Сын прошёл к стене. Там стоял складной стол, два стула и электрический чайник.

— Купил уже? — спросил Виктор.

— Это хозяин оставил. Твой прямоугольник на плане сбился первым.

— Сначала чайник, потом подъёмник. Надёжный порядок.

— Через тринадцать месяцев будешь тут командовать.

— Не командовать. Работать.

— Это у тебя одно и то же.

Антон поставил телефон на стол. Виктор видел его в синей рабочей куртке, уставшего и довольного. За спиной была пустая стена, на которой со временем должны появиться полки для инструмента.

— Я сегодня документы разобрал, — сказал Виктор. — План повесил возле календаря.

— Мама наконец разрешила занять полку?

— Сам занял.

— Смело.

— И крючки повесил.

— Всё, обосновался. Теперь не приедешь.

Антон сказал это шутливо, но Виктор услышал проверку.

— Приеду. Дата в договоре не изменилась.

— Хорошо. А с больницей что?

— Собрание на следующей неделе.

— Ты пойдёшь?

— Пойду после смены.

— Только не вкладывай туда наши деньги.

— Какие наши? За помещение и подъёмник уже внесено.

— Остальные. Верстак, инструмент, первый месяц аренды. Я не смогу закрыть всё один.

— Я знаю.

— Пап, я серьёзно.

— И я серьёзно. Я написал вопросы. За это денег не берут.

— Пока.

Виктор посмотрел на папку мастерской. В ней лежали не обещания, а квитанции. Его часть аванса была внесена. Подъёмник куплен. Через тринадцать месяцев хозяин передаст ключи, и каждый месяц до этого нужно откладывать определённую сумму. Он назвал её Антону.

— Двадцать две тысячи, — сказал Виктор. — Столько перевожу на отдельный счёт после зарплаты. Коммунальные матери плачу, продукты пополам. Остальное моё. Ни одного рубля из этих двадцати двух больнице не отдам.

— Запомнил.

— Запиши, если не веришь.

— Я верю цифре. Тебе иногда не верю.

— Это как?

Антон провёл ладонью по металлической направляющей.

— Ты возвращаешься куда-нибудь ненадолго, а потом находишь дело, без которого там всё рухнет. Когда вы с мамой развелись, ты говорил, что снимешь комнату на месяц. Прожил в том общежитии два года, потому что столовая без тебя не проходила проверку. Потом обещал перейти на нормальный график и полгода заменял заболевшего сменщика.

— Я за это деньги получал.

— Дело не в деньгах. Ты всегда находишь причину задержаться, которую стыдно оспаривать. Больные люди — самая удобная причина.

Виктор почувствовал раздражение, но не нашёл в словах сына неправды.

— Я не говорил, что останусь.

— Я знаю. Ты говоришь, что хочешь задать вопросы.

— Потому что ответов нет.

— Задай. Только если решишь остаться, скажи до того, как мы купим всё остальное.

— Не решу.

— Тогда хорошо.

Антон повернул камеру к воротам. В щель снизу задувало сухой снег.

— Уплотнитель надо менять, — сказал Виктор.

— Вот приедешь и поменяешь.

После звонка он ещё раз посмотрел банковский счёт. Создал автоматический перевод на двадцать две тысячи в день зарплаты и сделал снимок экрана. Отправлять Антону не стал. Доказательство требовалось прежде всего ему самому.

Мать уже легла. Виктор выключил свет на кухне, прошёл по освобождённому коридору и повесил куртку на новый крючок. Коробок больше не было. Его синие тарелки стояли в буфете, папка мастерской — на полке, чемодан — в шкафу.

Дом не стал его собственным. Он и не должен был. Но

на одну зиму нельзя жить так, будто не касаешься стен и не занимаешь места.

На календаре у марта следующего года стояло слово «передача». На отдельном листе — одна машина, тридцать семь километров и поликлиника до восьми. Виктор прикрепил этот лист ниже, не закрывая дату.

Уехать через тринадцать месяцев было планом. Узнать, где человек дождётся помощи нынешней зимой, — не новым планом, а вопросом на одну неделю.

Пока Виктор различал эти две вещи.

Глава 3. Семьдесят километров

В среду больница заказала двадцать девять обедов и один отдельный бульон.

Виктор обвёл единицу карандашом. Отдельные блюда везли после операций или людям, которым врач запрещал обычную пищу. Операций в Озёрске уже не делали, значит, кому-то стало хуже или кого-то привезли ночью.

— Не ставь диагноз по меню, — сказала Роза Хамитовна, заметив отметку.

— Я ставлю отдельную кастрюлю.

— Вот и ставь.

Для одного литра у них не было подходящего термоса. Маленький держал тепло хуже, большой пришлось бы заполнять кипятком вокруг закрытой ёмкости. Виктор выбрал второй способ: налил процеженный бульон в стальной контейнер, защёлкнул крышку, поставил в большой термос и закрепил полотенцами, чтобы не бился о стенки.

На листе диеты было написано: «Стол 0, без соли, 300 мл». Ни фамилии, ни диагноза. Так и должно быть. Виктор проверил объём, температуру и время. Двадцать девять обычных порций шли отдельно.

К одиннадцати машина не приехала.

Обычно Степан появлялся за десять минут до выдачи. Если задерживался, звонил Розе. В одиннадцать пять термосы

уже стояли на тележке, бульон остывал медленнее обычного, но бесконечно держать его было нельзя.

Роза набрала больничный номер. Ей ответили после четвёртого гудка.

— Столовая. Машина где? — спросила она. — Нет, мы не можем оставить у ворот. Потому что накладную должен подписать получатель. И потому что еда должна ехать в чистом кузове, а не на попутной легковой.

Она слушала, постукивая ногтем по столу.

— Когда освободится? Понятно. Перезвоните через десять минут.

— Что? — спросил Виктор.

— Степан в области. Другую машину отправили с пациенткой в Сосновое, но она ещё не вернулась.

— Почему в Сосновое, если стационар в области?

— Потому что не нас спрашивали.

— Обед забрать некому?

— Некому.

Роза посмотрела на часы и велела вернуть тележку в горячий цех. Температуру записали заново. В одиннадцать двадцать началась заводская раздача, и кухня заполнилась людьми. Виктор встал на второе блюдо. Он клал пюре, Лена — котлету, кассир пробивала талоны. За стеклом двигалась очередь в серых и синих спецовках.

Каждые десять минут Виктор смотрел на термосы у стены. Они ничем не отличались от обычных, только не уезжали.

В одиннадцать сорок семь больница перезвонила. Роза выслушала и закрыла глаза.

— Нет, такси не подходит. Нет, санитарка не может везти тридцать порций в салоне автобуса. И бульон отдельно. Ищите служебную машину с чистым отсеком.

Она положила трубку.

— Может, заводская отвезёт? — спросил Виктор.

— Заводская возит продукты по маршруту. Сейчас она на базе.

— До больницы пятнадцать минут.

— Ты предлагаешь снять машину с поставки молока?

— Я спрашиваю.

— А я отвечаю. Если сорвём приёмку, завтра без молока будет весь завод.

Виктор выдал следующую котлету. Рабочий за стеклом попросил побольше подливы. Виктор добавил половник и тут же подумал, что больничное пюре густеет в закрытой ёмкости.

В двенадцать десять позвонила Валентина Сухова с личного телефона.

— Витя, можно я сама приеду? — спросила она.

— На чём?

— У соседки машина.

— В багажнике чисто?

— Понятия не имею. Сейчас посмотрю.

— И кто подпишет накладную?

— Я подпишу.

— Ты сегодня работаешь официально?

— До конца недели числюсь.

Он передал трубку Розе. Та задала ещё пять вопросов: есть ли доверенность, кто разрешил использовать личную машину, можно ли закрепить термосы, кто возместит дорожку, где контейнеры будут выгружены. Валентина отвечала всё тише.

— Не езжай, — сказала Роза наконец. — Если на повороте термос упадёт, отвечать будешь ты. Пусть главный врач решает транспорт.

— Главный врач в области.

— Тогда пусть решает по телефону.

После звонка Виктор спросил:

— Бульон кому?

— Не наше дело.

— Валя знает.

— И что это изменит?

— Ничего.

— Тогда работай.

Основная очередь закончилась в двенадцать сорок. Температура в больничных ёмкостях оставалась допустимой, но срок выдачи сдвигался. Роза сделала отметку в журнале и позвонила в администрацию завода. Через семь минут ей разрешили использовать дежурный микроавтобус, если больница письменно подтвердит срочность и оплатит отдельную до-

ставку.

Подтверждение пришло по электронной почте в час двенадцать. Водителя искали ещё десять минут.

— Я поеду, — сказал Виктор.

— Зачем?

— Покажу, как закрепить. И бульон передам отдельно.

— Передаст водитель.

— Он ни разу термосы не возил.

Роза посмотрела на часы.

— Вернёшься сразу. Не ходишь по палатам, не собираешь истории. Отдал по накладной и назад.

— Понял.

Дежурный микроавтобус оказался старым «Соболем» с двумя рядами сидений и грузовой площадкой сзади. На полу лежали бухта кабеля, ящик с лампами и лопата. Водитель, молодой парень по имени Дима, переложил всё под сиденья и протёр площадку. Крепёжных ремней не было. Виктор взял со склада два новых и вписал их в выдачу.

Термосы поставили вплотную к перегородке. Виктор пропустил ремни через ручки и затянул. Контейнер с бульоном проверил дважды.

— Из-за супа столько дел, — сказал Дима.

— Из-за людей.

— Люди могли кашу сварить.

— В палате?

— Не знаю. Я туда светильники возил, кухня была.

— Вчера её опечатали.

Дима пожал плечами и включил передачу.

До больницы ехали девять минут. Дорога шла вдоль заводского забора, потом через частный сектор. У перекрёстка стоял знак ограничения скорости, дальше асфальт был разбит вокруг люков. Термосы не сдвинулись.

На больничном дворе не оказалось свободного места. У крыльца стояли две легковые машины, грузовой фургон с надписью «Медтехника» и рейсовый автобус. Дима остановился возле подвального входа, где прежде принимали еду. Дверь была закрыта, на ручке висела бумажная пломба.

Виктор позвонил Валентине.

— Через главный вход, — сказала она. — Я спущусь.

Они обошли корпус с тележкой. Колёса цеплялись за трещины. На крыльце пришлось поднять термосы вручную: пандус был занят коробками с упакованным оборудованием.

— Куда это всё? — спросил Дима.

— В столовую для сотрудников, — ответила подошедшая Валентина. — Там пока есть мойка и розетки.

— Столовая далеко?

— По коридору и на второй этаж.

Лифт не работал. На двери висела табличка «Техническое обслуживание». Виктор и Дима понесли термосы по лестнице. Большой с супом весил больше тридцати килограммов. На площадке они остановились передохнуть.

Сверху спустилась медсестра в синем костюме.

— Бульон привезли? — спросила она.

— Привезли.

— Давайте сюда.

Виктор поставил маленький контейнер на подоконник, но не отпустил.

— Распишитесь сначала.

— Валя распишется. Нам срочно.

— Температуру проверите при мне.

Медсестра посмотрела на него с раздражением, потом на Валентину.

— Там женщина с утра ничего не ела.

— Поэтому и проверим, — сказал Виктор.

В столовой было холодно. Плита не работала, столы сдвинули к стене, на полу стояли подписанные коробки. Из оборудования оставался электрический чайник и маленький холодильник. Валентина освободила место, достала чистый щуп в упаковке. Температура бульона была достаточной. Она расписалась в накладной, медсестра унесла контейнер.

— Кто заболел? — спросил Виктор.

— Не твоё дело, — ответила Валентина и тут же смягчилась. — Женщина из Берёзовки. Привезли ночью с болью в животе. Врач решил переводить в область, но туда сегодня не повезли.

— Почему?

— Степан уже в области с другим пациентом. Вторая машина утром отвезла человека в Сосновое на обследование и

сломалась там.

— А скорая?

— На вызовах. И это не экстренная перевозка пока. Врач наблюдает.

— Здесь?

— Здесь. Стационар ещё не закрыт.

Дима открыл первый термос. Пар поднялся к потолку.

— Тарелки где? — спросил он.

Валентина показала коробку. Одноразовых тарелок не хватало, больничные ещё были на складе в подвале. Санитарка ушла за ними. Обычная раздача началась только в два часа, почти на три часа позже прежнего времени.

Виктор помог расставить контейнеры, но порции не раскладывал. Это была уже работа больницы. Он записал время передачи и новую температуру. В коридоре кто-то громко спрашивал, когда приедет машина.

— Это родственница? — спросил он.

Валентина выглянула за дверь.

— Дочь той женщины. С утра здесь.

— Им место подтвердили?

— Вроде да. Транспорт ждут.

— В области семьдесят километров.

— Семьдесят два до приёмного отделения.

— Сколько ехать?

— Летом час десять. Сейчас дорога сухая, может, полтора. Если за фурой не встанут.

— А когда Степан вернётся?

— Не раньше четырёх. Он пациента сдаёт, документы ждёт, потом обратно.

— То есть эту женщину повезут вечером?

— Если врач не вызовет скорую раньше.

Виктор увидел в дверном проёме невысокую женщину лет сорока. Она держала куртку и пакет с водой. На рукаве куртки налипли сухие травинки, будто её положили на землю.

— Вы из столовой? — спросила она.

— С завода. Еду привезли.

— Маме бульон ваш?

— Если врач назначил отдельный, значит, наш.

— Можно ей уже?

— Это у медсестры спросите. Я только приготовил.

Женщина кивнула и не ушла.

— А машину вы не знаете когда?

— Не знаю.

— Все не знают. Утром сказали после десяти. Потом после двенадцати. Теперь водитель в области.

Виктор хотел спросить, когда привезли мать, что с ней и почему куртка в траве. Вспомнил предупреждение Коваль о медицинских сведениях.

— Попросите записать время каждого решения, — сказал он. — Когда назначили перевод, когда подтвердили место, когда вызвали машину.

— Зачем?

— Чтобы потом не вспоминать на глаз.

— А это машину ускорит?

— Нет.

Женщина посмотрела на него так, будто он предложил переписать меню.

— Тогда зачем?

— Не знаю, — честно ответил Виктор. — Я сам пока только записываю.

Она ушла к посту. Валентина закрыла термос крышкой.

— Тебе Роза велела назад, — сказала она.

— Уже иду.

— Витя, не лезь к пациентам. Здесь и без тебя все на нервах.

— Я не лез.

— Ты смотришь так, будто сейчас найдёшь лишнюю кастрюлю и всё станет на место.

— Я привёз то, что заказали.

— Вот за это спасибо. Остальное не твоя смена.

Обратно они ехали молча. Дима включил радио, но связь за заводским посёлком шипела. На перекрёстке навстречу прошла машина скорой с включёнными маяками. Сирены не было. Виктор проводил её взглядом.

— В больницу? — спросил он.

— Может, — сказал Дима. — Может, дальше.

На завод они вернулись в два сорок. Роза Хамитовна уже составила акт о задержке доставки. В нём были указаны вре-

мя готовности, все звонки, разрешение на дежурную машину и время передачи.

— Подпиши, — сказала она Виктору. — Ты сопровождал.

Он прочитал каждую строку. Причина задержки была сформулирована: «отсутствие транспорта получателя».

— Машина сломалась в Сосновом, — сказал Виктор.

— Откуда знаешь?

— Валя сказала.

— У нас подтверждения нет. Пишем только то, что касается доставки. Транспорт не прибыл — это факт.

— А что его не было из-за двух перевозок, не факт?

— Для нас нет. Мы не диспетчеры больницы.

Он подписал акт.

— Бульон отдали? — спросила Роза.

— Да. Температура нормальная. Там женщина из Берёзовки ждёт перевода. Машина одна в области, другая сломалась.

— Ты уже всё выяснил.

— Не всё. Место вроде подтвердили, а везти некому.

— И чем ты поможешь?

— Ничем.

Роза сложила акт в папку.

— Это полезное слово. Запомни его до следующего раза.

До конца смены Виктор готовил заготовки на четверг. Он шинковал капусту, проверял крупу и дважды пересчитал яйца. Работа вернула предметам их размер. Капусту нужно бы-

ло нарезать тонко. Яйца — принять по накладной. Женщина находилась в больнице под наблюдением врача. Машина должна была вернуться.

В половине пятого позвонила Валентина.

— Уехали, — сказала она.

— Когда?

— Только что.

— Степан вернулся?

— Вернулся в четыре десять, заправился, оформил путевой и забрал их. Врач дал обезболивающее перед дорогой.

— Доедут засветло?

— Уже темнеет.

— Почему не вызвали скорую?

— Потому что врач не видел экстренных показаний. Не заставляй меня пересказывать карту.

— Не заставляю. Сколько она ждала после решения о переводе?

— С девяти двадцати.

Виктор посмотрел на часы. Семь часов.

— Место когда подтвердили?

— В десять пятьдесят.

— Значит, после места почти шесть.

— Пять с лишним. Записывай точно, раз начал.

Он записал.

— А если бы машина не вернулась?

— Осталась бы у нас. Пока есть стационар.

— А после закрытия?

— Спроси на собрании.

Валентина отключилась.

Виктор добавил в лист время: решение — 9:20, место — 10:50, выезд — 16:35. Ни имени, ни диагноза. Внизу написал: «ожидание под наблюдением действующего стационара». Подчеркнул последние два слова.

Дома мать сидела у окна и штопала носок. На плите остывала гречка.

— Ты сегодня ел? — спросила она.

— Ел.

— Поздно пришёл.

— Больничный обед возили на заводской машине.

— Кормят ещё, значит.

— Кормят. С опозданием на три часа.

— Но накормили.

— Да.

Он вымыл руки и сел напротив. Мать протянула ему заштопанный носок.

— Это твой. Пятка протёрлась.

— Выбросила бы.

— Носок не кастрюля. Его починить можно.

Виктор улыбнулся, но сразу перестал. Он положил на стол запись с временами.

— Сегодня женщину из Берёзовки переводили. Решили утром, увезли в половине пятого.

— Довезли?

— Не знаю. Сейчас ещё едут.

— Тогда зачем рассказываешь?

— После закрытия ей негде будет ждать эти семь часов.

— Может, к тому времени другую машину дадут.

— Может.

— Вот на собрании и спроси.

Мать свернула нитку и убрала иглу в коробочку.

— Только не спрашивай так, будто ты один заметил расстояние. Мы здесь всю жизнь знаем, сколько до области.

— Семьдесят два до приёмного.

— Для тебя два километра сегодня открылись, а мы по этой дороге детей рожали, зубы лечили и на операции ездили.

— Поэтому всё нормально?

— Нет. Поэтому не надо объяснять мне, что далеко.

Виктор убрал лист со стола.

— Я не тебе объясняю.

— А кому?

Он подумал об Елене Коваль. Она знала расстояние до Соснового точнее него. Знала, сколько бригад числится в районе, какие корпуса аварийные и когда заканчивается рабочая встреча. Объяснять ей, что семьдесят километров — далеко, тоже было бесполезно.

— Я хочу понять, чего не хватает, — сказал он.

— Сегодня не хватило машины.

— Двух машин. Одна уехала, вторая сломалась.

— Значит, двух.

— А завтра?

— Завтра спросишь, чего не хватит завтра.

Ответ показался ему сначала материнской насмешкой, потом — единственным честным способом считать. Не «больница нужна», не «всё заменят», а сегодняшний разрыв с началом и концом.

После ужина Виктор открыл тетрадь. На первой странице уже стояли вопросы про ночь, транспорт и питание. Он провёл линию и записал случай среды без имени женщины.

Двадцать девять обедов и один бульон готовы в 10:50. Машины получателя нет. Отдельную доставку согласовали в 13:12, еду передали в 13:55. Решение о переводе — 9:20, место — 10:50, выезд — 16:35. До областного приёмного отделения — 72 километра. Ожидание проходило в действующем стационаре под наблюдением врача.

Последнюю фразу он написал крупнее.

Именно её не было в плане на следующий месяц.

Глава 4. Общий аванс

В пятницу автоматический перевод не сработал.

Виктор увидел уведомление во время короткого перерыва между завтраком и закладкой мяса. «Недостаточно средств», — написал банк. Он открыл счёт и сначала решил, что ошибся датой зарплаты. Деньги пришли ночью, но с карты уже списались коммунальные платежи матери, рассрочка за холодильник и его половина страховки будущей мастерской.

До двадцати двух тысяч не хватало четырёх тысяч семисот рублей.

Виктор стоял в раздевалке, ещё не сняв фартук. За стеной Мансур включил мясорубку. Телефон снова завибрировал: звонил Антон.

— Перевод вернулся, — сказал сын вместо приветствия.

— Вижу.

— Почему?

— Рассрочка списалась раньше. Сегодня докину.

— Из чего?

— С основного счёта.

— Там есть?

— Антон, я разберусь.

— Мне не надо, чтобы ты разобрался через неделю. Хозяин прислал дополнение к договору. С апреля начинается половина аренды, потому что он закончил ворота и проводку.

Виктор вышел в коридор. Здесь гул мясорубки был тише.

— Передача первого марта следующего года.

— Передача для работы. Но держать помещение пустым бесплатно он не обещал. Мы это обсуждали.

— Половина аренды с апреля — это сколько?

— Тридцать восемь на двоих. По девятнадцать.

— Плюс двадцать две в резерв?

— Резерв как раз на аренду и оборудование. Не сверху.

— Пришли дополнение.

— Уже прислал.

На экране появилось четыре страницы. Виктор приблизил первую, но мелкий текст расплылся.

— Я после смены прочитаю.

— Сегодня надо ответить. И ещё: электрик готов подключить подъёмник в воскресенье. Нужны кабель и автоматы, двадцать шесть тысяч.

— Мы же проверяли проводку.

— Ввод проверяли. До подъёмника отдельную линию тянуть.

— Почему раньше не посчитали?

— Потому что подъёмник взяли другой. Ты сам одобрил.

Виктор вспомнил табличку, которую Антон показывал по видео. Одобрил вес и год выпуска, но про длину кабеля не спросил.

— По тринадцать с каждого, — сказал он.

— Да. Сегодня.

— Переведу вечером.

— А резерв?

— И резерв восстановлю.

Антон помолчал.

— Ты сможешь?

— Смогу.

— Только не занимай у бабушки.

— Я похож на человека, который возьмёт у матери на мастерскую?

— Ты похож на человека, который скажет, что это на неделю.

Виктор посмотрел на дверь горячего цеха. Роза Хамитовна появилась в проёме и показала на часы.

— Мне работать надо, — сказал он. — Вечером всё будет.

Он убрал телефон. Роза дождалась, пока тот исчезнет в шкафчике.

— Сын?

— Сын.

— Проблема?

— Проводка.

— Тогда иди к мясу. Оно семейные разговоры не уважает.

На обед готовили гуляш. Виктор разделявал лопаточную часть, срезал крупные плёнки и взвешивал отходы. Руки делали привычное, а в голове складывались суммы. На основном счёте после обязательных платежей оставалось двадцать девять тысяч. Тринадцать уйдут на кабель. Четыре тысячи

семьсот — на восстановление перевода. До следующей зарплаты останется чуть больше одиннадцати.

Этого хватало, если не покупать ничего крупного и не снимать квартиру. Матери он уже пообещал заменить смеситель в ванной. Старый не закрывался до конца, ночью вода капала в эмалированную ванну. Новый стоил около пяти тысяч с установкой.

Виктор отложил кусок мяса с толстой жилой.

— Что с ним? — спросила Лена.

— На дочистку.

— Нормальный кусок.

— В тарелке станет ненормальным.

Он срезал жилу тоньше, чем собирался. Лишнее движение добавило отходов. Роза заметила, взяла кусок, осмотрела.

— Домой сходи головой, — сказала она. — Потом возвращайся.

— Всё нормально.

— У тебя «нормально» обычно перед тем, как ты начинаешь работу за троих. Сядь на пять минут.

Виктор вымыл руки и вышел в маленький кабинет заведующей. На стене висел производственный календарь, на столе лежала папка больничных накладных. Сверху — акт о задержке среды.

— Его подписали? — спросил Виктор.

— Подписали. Отдельную доставку оплатят.

— Значит, завод не потеряет деньги.

— Завод не потеряет. Ты сейчас о своих думай.

Он пересказал условия аренды. Роза слушала, не перебивая.

— Зачем платить за пустое помещение почти год? — спросила она.

— Чтобы его не сдали другим. Там ворота нужной высоты, яма и мощность.

— Тогда оно не пустое. Оно держит ваше место.

— Антон может начать раньше.

— Один?

— Может брать мелкий ремонт по выходным. Электрику, диагностику. Он электромеханик.

— А ты?

— Я приеду после передачи.

— Через тринадцать месяцев.

— Теперь двенадцать с половиной.

Роза закрыла папку.

— Витя, аванс — это не доказательство будущего. Это деньги, которые уже ушли. Доказательство — когда ты в нужный день приходишь работать.

— Приду.

— Тогда не делай вид, что тебе сейчас легко. Так меньше шансов пообещать кому-нибудь ещё.

Она отправила его обратно в цех.

После смены Виктор перевёл Антону тринадцать тысяч на

кабель и отдельно пополнил резерв. Остаток на карте стал четырёхзначным. Он сфотографировал оба подтверждения и на этот раз отправил сыну.

Ответ пришёл через минуту: «Получил. Дополнение прочитай».

Виктор открыл документ на заводском компьютере с разрешения Розы. Условия были простыми. С апреля они платили половину аренды в обмен на сохранение помещения, доступ по выходным и право монтировать оборудование. С марта следующего года начиналась полная плата. Если до первого февраля они отказывались, аванс не возвращался, а установленное оборудование нужно было вывезти за свой счёт.

Он распечатал страницы. На полях написал: «19 000 в месяц с апреля», «решение до 1 февраля», «демонтаж за свой счёт».

Срок был не отвлечённым обещанием. Каждый месяц пустая мастерская стоила им девятнадцать тысяч, а отказ — аванса и расходов на вывоз подъёмника. Антон мог работать там по выходным, но основную аренду вдвоём они потянули бы только после переезда Виктора.

По дороге домой он зашёл в хозяйственный магазин и посмотрел смесители. Самый дешёвый стоил три тысячи восемьсот без шлангов. Виктор попросил отложить до завтра, хотя понимал, что завтра денег больше не станет.

Мать слышала капли, пока он разувался.

— Не купил? — спросила она из ванной.

— Выберу другой.

— Этот совсем плохой?

— Какой этот?

— Который не купил.

Он прошёл в ванную. Лидия Андреевна подставила под кран пластиковый таз. Вода падала ровно, раз в две секунды.

— Перекрыть на ночь, — сказал Виктор.

— Тогда утром опять ржавчина пойдёт.

— Я прокладку поменяю.

— Ты уже менял.

— Значит, кран-буксу целиком.

Мать посмотрела на него через зеркало.

— Деньги кончились?

— Не кончились.

— Тогда купи кран.

— На карте мало, наличные есть.

— Врёшь плохо. Когда есть наличные, ты говоришь сколько.

Виктор достал распечатанное дополнение к договору и положил на кухонный стол.

— С апреля платим за помещение. Сегодня проводку покупали.

— Мы?

— Я и Антон.

— Я поняла. Просто ты говоришь так, будто уже там ра-

ботаешь.

— Буду.

Лидия Андреевна надела очки, просмотрела первую страницу и сняла их.

— Девятнадцать тысяч каждый месяц за пустой гараж?

— Не гараж. Мастерская.

— Пока пустая — гараж.

— Антон начнёт по выходным.

— Ему одному это надо?

— Нам обоим.

— Тогда почему он там, а ты здесь?

— Потому что я обещал заводу отработать до следующей зимы. И тебе помочь.

— Мне не надо помогать год ценой девятнадцати тысяч.

— Дело не только в тебе.

— Знаю. Больница.

Она сложила листы ровно по краю.

— Я не просила тебя возвращаться, Витя. Обрадовалась — да. Комнату дала. Но не просила строить здесь вторую жизнь, а потом считать, что первая ждёт в другом городе.

— Я ничего здесь не строю.

Мать посмотрела на новые крючки в коридоре.

— Конечно.

Он хотел объяснить разницу между крючками и мастерской, между обращением гражданина и обязательством отца. Вместо этого взял разводной ключ и пошёл менять кран-

буксу. Резиновая прокладка действительно была новой, но седло внутри смесителя выщербилось. Временно можно было подмотать ленту и сильнее прижимать, однако надолго этого не хватит.

— До зарплаты продержится, — сказал Виктор.

— До зарплаты я таз поставлю.

— Не надо таз.

— Почему? Он бесплатный.

В субботу Антон снова позвонил из мастерской. Электрик разматывал кабель вдоль стены. На полу стояли коробки с автоматами.

— Длина сорок два метра, — сказал сын. — Щит будет здесь. Подъёмник подключим завтра.

— Кабель медный?

— Медный. Нужно сечение, всё по расчёту.

— Документы сохрани.

— Сохраняю.

Антон перевёл камеру на ворота. Внутри уже лежали два комплекта зимних шин.

— Чьи?

— Коллеги. Переобуть просит, заодно посмотрю датчик. Первые деньги мастерской.

— Ты аренду оформил как положено?

— Пока это не аренда, а доступ по договору. Деньги проведу официально, когда зарегистрируюсь.

— Не бери наличными без записи.

— Пап, я не ребёнок.

— Я знаю.

— Не похоже.

Антон поставил телефон на верстак, которого ещё не было: вместо него служили две козлы и лист фанеры.

— Дополнение подписываем? — спросил он.

— Подписываем.

— Тогда каждый месяц девятнадцать. Если я заработаю здесь раньше, свою часть могу закрывать сам. Но твою не потяну.

— И не надо.

— Я хочу, чтобы ты понял: помещение нельзя держать для красивого плана. Если к первому февраля ты не готов переезжать, мы должны выйти из договора до полной аренды. Потеряем аванс, но не накопим долг.

— Буду готов.

— Ты вчера ездил в больницу на заводской машине.

— Откуда знаешь?

— Бабушка сказала.

— Еду доставлял. Это работа.

— А обращение и собрание — тоже работа?

— Нет.

— Вот поэтому я и спрашиваю сейчас. Не в феврале.

Виктор увидел за спиной сына пустое помещение, уже переставшее быть совсем пустым. Кабель тянулся по стене. На полу лежали шины первого клиента. Подъёмник был собран

наполовину. Каждая вещь увеличивала цену отказа, но одновременно доказывала, что Антон не ждёт отца сложа руки.

— Я поеду на собрание, — сказал Виктор. — Задам вопросы про ночь, машины и место ожидания. Потом буду работать на заводе и откладывать деньги. Это всё.

— А если ответов не будет?

— Потребую ответы.

— А если после ответов ничего не изменится?

— Тогда посмотрю по фактам.

— Вот. Уже не «это всё».

Виктор помолчал.

— Я не могу обещать не видеть то, что происходит рядом.

— И я не прошу. Я прошу не платить за это моим годом.

Фраза прозвучала жёстко, но Антон не повысил голос. Он не требовал, чтобы отец бросил мать или город. Он требовал определить цену решения до того, как она станет общей.

— До первого февраля, — сказал Виктор. — Если мой план изменится, скажу раньше.

— Насколько раньше?

— За три месяца.

— Первое ноября?

Виктор посмотрел на календарь. До ноября было далеко, но уже не бесконечно.

— Первое ноября, — подтвердил он.

— Запишем в наше дополнение.

— В договор не надо.

— Не в договор. Между нами.

Антон прислал сообщение: «До 01.11 отец подтверждает переезд или предупреждает об отказе. До 01.02 решение по договору с владельцем». Ниже поставил свою фамилию и инициалы.

Виктор напечатал: «Согласен. В. П. Журавлёв».

— Теперь нормально, — сказал Антон.

— Теперь ты из семейного разговора сделал накладную.

— У хорошей накладной видно, кто что принял.

Виктор не мог спорить с этим на профессиональном языке.

После звонка он распечатал и это сообщение. Один экземпляр положил в папку мастерской, второй прикрепил к календарю возле первого ноября.

В ванной снова капала вода. Мать поставила таз, несмотря на запрет. Виктор сел на край ванны и посчитал: за ночь наберётся меньше ведра. Потери невелики, если смотреть на сутки. За месяц — уже много. Смеситель следовало заменить, а не убеждать себя, что каждая отдельная капля ничего не стоит.

Он позвонил в магазин и отказался от отложенной модели. Потом нашёл мастера, который согласился заменить смеситель с оплатой после зарплаты, если Виктор сам купит недорогой комплект. Это было неудобно, но честнее займа у матери.

В понедельник он подписал дополнение к аренде элек-

тронной подписью. На открытое собрание о больнице записал четыре вопроса и ни одного обещания.

Общий аванс связывал его с Антоном не потому, что деньги нельзя было потерять. Деньги теряли постоянно: на плохих покупках, ремонтах, ошибках. Он связывал их потому, что сын уже начал жить внутри общего решения.

До первого ноября Виктор должен был не только понять, чем заменят больницу. Он должен был решить, где окажется сам, когда замена начнёт работать или не начнёт.

Глава 5. Последняя больница

К шести вечера в актовом зале районной администрации закончились стулья.

Дежурная у входа принесла из соседнего кабинета ещё восемь, потом развела руками. Люди стояли вдоль стен, сидели на широкий подоконник и по двое устраивались на лавке из гардероба. С улицы тянуло мокрым снегом. Куртки не успевали просохнуть и пахли холодной шерстью.

Виктор пришёл сразу после смены. Белую куртку он оставил в столовой, но запах жареного лука всё равно держался на волосах и рукавах свитера. В кармане лежал сложенный лист с четырьмя вопросами. Он занял место у прохода в пятом ряду, чтобы никому не мешать, и положил лист на колени.

Лидия Андреевна идти отказалась.

— Там без меня найдётся кому кричать, — сказала она утром. — Ты слушай, когда не кричат. Обычно главное тогда говорят.

В первом ряду сидела Софья Мельник, больничный терапевт. Она держала на коленях толстую синюю папку и не разговаривала с соседями. Степан, водитель санитарной машины, стоял возле двери. Виктор кивнул ему, тот ответил и показал глазами на стол президиума.

За столом было пять человек. Елена Сергеевна Коваль си-

дела посередине. Справа от неё — глава района и главный врач, слева — мужчина из строительного надзора и женщина из страховой компании. Перед каждым стояла бутылка воды. На стене за ними висел экран с первой надписью: «Изменение порядка оказания медицинской помощи жителям Озёрского района».

Слово «заккрытие» на экране не появлялось.

Глава района постучал по микрофону, услышал гул и попросил соблюдать порядок. Из заднего ряда сразу спросили, почему порядок вспомнили только теперь. Несколько человек зааплодировали. Глава подождал и передал слово Елене Сергеевне.

Она встала, хотя микрофон работал и сидя.

— Я начну с решения, которое уже принято, — сказала она. — Круглосуточный стационар в корпусе на Больничной улице прекращает работу первого декабря. Сегодня двадцать первое ноября. Откладывать дату мы не будем.

Зал загудел так, будто люди слышали это впервые. Виктор увидел, как женщина впереди стиснула ручки сумки. Кто-то крикнул: «Тогда зачем собрание?»

Коваль не повысила голос.

— Собрание нужно не для голосования о состоянии здания. Оно нужно, чтобы мы показали замену и услышали вопросы по ней. Сейчас я объясню причины. После этого отвечу всем по очереди.

На экране появилась фотография трещины над окном

второго этажа. Потом — край перекрытия, вскрытый до ржавой арматуры. Мужчина из надзора назвал номер заключения и дату обследования. Несущая способность участка над процедурным кабинетом снизилась. В северном крыле нельзя было размещать людей дольше необходимого для эвакуации. Ремонт кровли не решал проблему перекрытий и старой электропроводки. Для восстановления корпуса требовалось отселение всего стационара, проект и сумма, которую район не мог получить до следующего бюджетного года.

— А клуб вы отремонтировали, — крикнул мужчина у стены.

— Клуб не финансируется из программы здравоохранения, — ответил глава района.

— Людей туда больше ходит, чем в ваш новый кабинет! Коваль подняла ладонь.

— О клубе можно спорить отдельно. В аварийную палату я вас не положу, даже если зал проголосует единогласно.

Фраза была резкой, и зал на несколько секунд затих.

Виктор посмотрел на фотографию. Под трещиной стояла кровать, отодвинутая от стены. Он бы не поставил туда даже стеллаж с крупой. В столовой за вспученную плитку возле котла Роза Хамитовна останавливала работу до ремонта. Требовать, чтобы врач оставил человека под перекрытием, только потому, что другой кровати в городе нет, казалось таким же обманом, как подписать накладную на непривезённый обед.

Следующий слайд показывал цифры. Двадцать пять коек по штату, в среднем заняты девять. За год — триста одиннадцать пациентов. Ночью в корпусе оставался один дежурный врач на терапию и приём, иногда его заменял фельдшер. Вакансии хирурга и анестезиолога не закрывались больше года. Операции здесь всё равно не проводили, тяжёлых пациентов отправляли в область.

— Значит, мало лежали — виноваты, много бы лежали — тоже были бы виноваты, — сказала женщина в первом ряду.

— Вы не виноваты, — ответила Коваль. — Низкая загрузка означает, что круглосуточное содержание здания не даёт району тех возможностей, которые жители вправе от больницы ожидать. Здесь нет хирургии, реанимации, круглосуточной лаборатории. Вы называете это больницей, но часть помощи уже много лет получаете в области.

— А остальную где получать?

— Об этом следующая часть.

На экране возник план первого этажа поликлиники. Зелёным были отмечены кабинет неотложной помощи, процедурная, два кабинета врачей и помещение для забора анализов. Коваль обещала приём терапевта и педиатра по расширенному графику, неотложный кабинет с восьми утра до восьми вечера, забор анализов по будням и санитарную перевозку в областной стационар по направлению врача. Экстренные вызовы, как и раньше, принимала скорая.

— Как и раньше — это одна машина? — спросил кто-то.

— На территории района закреплена одна бригада. При занятости вызывается ближайшая свободная из Соснового или областного центра.

Виктор достал ручку. В первом вопросе у него было написано: «Сколько машин физически на линии?» Ответ прозвучал: одна местная, остальные — не здесь.

Коваль говорила без торопливости. Она не обещала нового томографа, хирурга к декабрю или ремонта старого здания. На слайде были часы работы и фамилии ответственных. Виктор отметил это. Но внизу плана серым цветом оставался длинный коридор, а после двадцати часов зелёные помещения словно гасли.

Когда начались вопросы, глава района предложил записываться. Никто не стал. Люди подняли руки и заговорили одновременно.

Первой микрофон получила женщина с сумкой. Её мужа летом увозили с подозрением на инсульт. Она спросила, повезут ли теперь сразу в область.

Главный врач ответил, что при признаках инсульта пациента и сейчас должны направлять в сосудистый центр, не задерживая в Озёрске. Женщина спросила, почему тогда летом муж два часа лежал в местной приёмной. Главный врач попросил назвать дату и пообещал проверить карту.

— Я не про жалобу спрашиваю, — сказала женщина. — Я спрашиваю, где он будет лежать эти два часа теперь.

Главный врач поправил микрофон.

— При экстренном состоянии помощь оказывается бригадой и в процедурном кабинете поликлиники.

— Ночью поликлиника закрыта.

— Бригада принимает решение по состоянию.

— В машине будет лежать?

Ответ утонул в голосах.

Потом говорил мужчина из Берёзовки. До Озёрска ему было двадцать восемь километров, до области — почти сто. Он хотел знать, куда везти жену с высокой температурой, если фельдшерского пункта ночью нет. Коваль повторила номера скорой и диспетчерской. Мужчина сказал, что номера он знает, ему нужна не цифра, а место.

Софья Мельник всё ещё не поднимала руки. Она делала пометки в синей папке.

Микрофон дошёл до Виктора неожиданно. Сосед толкнул его локтем.

— Вы хотели, — сказал он.

Виктор встал. На него смотрели люди, которых он знал по столовой, магазину и остановке. У стены стояла Нина из бухгалтерии завода. Возле окна — бывшая учительница Анто-на. Ему захотелось сказать громко и сразу обо всём: о задержанном обеде, о женщине из Берёзовки, о машине Степана, ушедшей на семьдесят два километра. Он развернул лист.

— Виктор Петрович Журавлёв, — сказал он. — Я здесь как житель, не от завода.

Роза Хамитовна велела произнести это дословно.

— В прошлую среду пациентке назначили перевод утром. Место в области подтвердили без десяти одиннадцать. Машина вернулась и увезла её в половине пятого. До этого она была под наблюдением в действующем стационаре. После первого декабря, если такое ожидание случится после восьми вечера, где человек будет находиться до приезда машины?

Коваль посмотрела не в бумаги, а на главного врача.

— В приведённом случае речь шла о плановом межбольничном переводе, — сказал тот. — После закрытия стационара плановые пациенты не будут поступать в Озёрск.

— Я спрашиваю не про ту пациентку, — сказал Виктор. — Я спрашиваю про ожидание. Человека осмотрели, решили везти, а машина занята. Ночь. Мороз. Домой отправлять нельзя. В поликлинике до восьми. Где он ждёт?

— Если состояние экстренное, бригада находится с пациентом до передачи.

Степан у двери опустил голову.

— Тогда машина остаётся с одним человеком и не едет на другой вызов? — спросил Виктор.

— Вопрос маршрутизации решает диспетчер.

— Я не спрашиваю, кто решает. Я спрашиваю, где кровать.

В зале зааплодировали. Виктору стало неловко, будто он нарочно подвёл реплику к хлопкам. Он поднял руку, прося тишины.

— Мне не нужно сохранить аварийную палату, — продолжил он. — Я видел заключение. Мне нужно понять замену. Покажите помещение, которое не закрывается в восемь и где врач или фельдшер может наблюдать человека до перевозки.

Елена Сергеевна взяла микрофон.

— В утверждённой схеме отдельного помещения круглосуточного наблюдения нет.

Шум поднялся снова, но Виктор услышал ответ ясно.

— Значит, его не будет?

— Я сказала, что его нет в утверждённой схеме. Экстренную помощь оказывает бригада. Для людей, которые не нуждаются в экстренной помощи, работает неотложный кабинет до двадцати часов.

— Между этими двумя фразами и есть человек, которого уже нельзя оставить дома, но ещё не забрала машина.

Коваль выдержала паузу.

— Такой промежуток возможен. Нам нужно определить, как часто он возникает и какими силами его закрывать. Обещать сегодня круглосуточный пост я не могу: в плане нет помещения, штатной единицы и финансирования.

Это был не ответ, которого ждал зал. Но это было точное название пустого места.

Виктор посмотрел на второй вопрос.

— Сколько санитарных машин будет доступно именно Озёрску после закрытия?

— Одна машина больницы переводится в поликлинику

для плановой перевозки, — ответила Коваль. — Автомобиль скорой остаётся в районе. Резерв привлекается через диспетчера.

Степан поднял голову.

— Та, что переводится, сейчас в ремонте, — сказал он от двери.

Главный врач нахмурился.

— Ремонт должны закончить до первого декабря.

— Запчасть на коробку ещё не пришла.

— Это оперативный вопрос.

— Для первого декабря девять дней, — сказал Степан.

Елена Сергеевна записала что-то в блокнот.

— Завтра до двенадцати прошу передать мне заказ-наряд и срок поставки. Если автомобиль не выйдет, в схеме должна быть временная замена, а не запись о машине в ремонте.

Виктор зачеркнул второй вопрос только наполовину. Машин на бумаге было две, но ездить могла одна. Обещание временной замены оставалось обещанием до тех пор, пока во дворе не появится автомобиль и водитель.

— Третий вопрос, — сказал он. — Кто отвечает за человека, пока он ждёт перевозки: скорая, поликлиника или областной диспетчер?

— Медицинская организация, которая приняла пациента, не может оставить его без помощи до передачи, — сказала Коваль.

— После восьми поликлиника никого не принимает.

— Тогда первым контактом будет скорая.

— И снова машина стоит рядом.

— Да, если состояние не позволяет оставить пациента. Я не буду говорить обратное ради удобного ответа.

В зале стало тише.

Виктор сел. Четвёртый вопрос касался питания тех, кто ждёт перевозки дольше четырёх часов, но задавать его сейчас показалось неправильным. Пока не было места ожидания, порция каши ничего не решала. Он сложил лист и передал микрофон дальше.

Софья Мельник поднялась через двадцать минут. К тому времени спросили про роды, детские анализы, уколы по выходным, лекарства в процедурной и смерть мужчины прошлой зимой. На часть вопросов отвечал главный врач, на часть — Коваль. Иногда они спорили между собой о часах и фамилиях. Глава района дважды просил не превращать собрание в разбор отдельных жалоб.

Софья принесла синюю папку к столу и не взяла микрофон.

— Здесь журнал переводов за последние шесть недель, без имён в копии, — сказала она. — Девять случаев ожидания дольше двух часов после решения о направлении. Три начались после восемнадцати часов. Два закончились после полуночи. Все эти люди оставались в стационаре под наблюдением.

Главный врач протянул руку к папке.

— Почему вы не передали это раньше?

— Потому что до сегодняшнего дня меня просили считать переводы, а не часы ожидания.

Коваль раскрыла папку и стала читать первую страницу.

— Что требовалось этим пациентам во время ожидания?

— Повторное измерение давления и насыщения крови кислородом, в двух случаях — кислород, в одном — капельница по назначению. Ничего из этого не требует стационара на двадцать пять коек. Но требует помещения, кушетки, оборудования и человека, который не уйдёт в восемь.

— Сколько коек?

— Я не прошу койки стационара. Я называю функцию. Одновременно больше четырёх у нас не было. Обычно один или два человека.

— Круглосуточный пост на четыре места тоже требует лицензирования и штата.

— Значит, считайте штат, — сказала Софья. — Не называйте это сохранением больницы. Назовите комнатой наблюдения, постом ожидания, как положено. Но не делайте вид, что человека можно разделить между закрытой поликлиникой и занятой машиной.

Виктор запомнил её слова: не койки, а функция. Он сам несколько дней думал о здании, потому что здание можно было увидеть. Функция была невидимой, пока однажды не исчезала.

Коваль попросила электронную копию журнала и назва-

ла срок: к следующему понедельнику областное управление даст письменный разбор девяти случаев и варианты на переходный период. Она не сказала, что откроет ночной пост. Она сказала, что данных достаточно, чтобы считать вопрос не предположением.

— А закрытие всё равно первого? — спросили из зала.

— Да.

— Даже если не успеете придумать?

— Аварийное здание не становится безопасным из-за того, что замена подготовлена плохо.

— Тогда вы нас бросаете.

— Тогда мы обязаны исправить замену, — сказала Коваль. — Это не одно и то же, хотя вам от этого сейчас не легче.

Собрание закончилось после девяти. Люди не расходились, окружили стол и продолжали задавать вопросы без микрофона. Виктор вышел в коридор. Там было прохладнее. Степан догнал его у гардероба.

— Хорошо спросил про кровать, — сказал он.

— Плохо, что её нет.

— Кровать найдётся. Ночного человека не найдут.

— Софья сказала — пост.

— Софья и будет этим постом, если им позволить. Днём принимает, ночью наблюдает, утром опять принимает. Через месяц свалится сама.

Виктор надел куртку.

— А водители?

— Я и Генка. Генка на скорой, я на санитарной. Когда моя машина ездит. По документам ещё есть подменный, но он возит диализных три дня в неделю.

— Коваль знает?

— Теперь узнает. Заказ-наряд я принесу.

Елена Сергеевна вышла из зала с синей папкой Софьи под мышкой. Возле неё шли глава района и главный врач. Она увидела Степана и остановилась.

— Завтра до двенадцати, — напомнила она.

— Принесу.

Она повернулась к Виктору.

— Ваш случай с ожиданием пациентки тоже передайте письменно. Без имени, если у вас его нет. Время решения, подтверждения места и выезда.

— У меня записано. И задержка доставки еды.

— Еду отдельно. Не смешивайте.

— Я и не смешиваю. Когда человек ждёт семь часов, он всё равно ест.

— Сначала нужно определить, где он ждёт и кто его наблюдает.

— Поэтому четвёртый вопрос я не задал.

Коваль впервые за вечер слабо улыбнулась.

— Зададите потом.

— Если будет кому.

— Зададите мне письменно.

Она ушла к лестнице. Глава района что-то говорил ей про бюджет, но она уже листала журнал переводов.

На улице снег перешёл в мелкий дождь. Перед администрацией люди спорили группами. Один мужчина предлагал перекрыть трассу. Женщина с сумкой говорила, что надо собирать подписи за сохранение больницы. Кто-то уже написал на картоне «НЕ ОТДАДИМ ПОСЛЕДНЮЮ» и прижимал плакат к груди, защищая от воды.

Виктор прошёл мимо. Ему было жалко здание, где когда-то зашивали Антону рассечённую бровь и где умер отец. Но после фотографий перекрытий требовать вернуть туда людей он не мог. Последней была не больница. Последним было место, куда можно положить человека ночью и не оставлять одного до дороги.

У дома он позвонил Антону. Сын ответил не сразу; на заднем плане гудела дрель.

— Ты ещё в мастерской?

— Кабель креплю. Как собрание?

— Корпус закроют первого декабря. Это не изменится.

— А вместо него?

— Кабинет до восьми, анализы днём, две машины по плану. Одна сейчас сломана. Ночного места нет.

— И что ты будешь делать?

Виктор посмотрел на освещённое окно материнской кухни.

— Передам им времена по задержке. Потом посмотрю

письменный ответ в понедельник.

— Это сколько займёт у тебя?

— Завтра утром полчаса, если записи найду сразу.

— Не деньги?

— Не деньги. И не рабочая смена.

Антон выключил дрель.

— Я не запрещаю тебе ходить на собрания, пап.

— Знаю. Я говорю, что именно делаю.

— Хорошо. Тогда я тоже скажу. Подъёмник подключили, но запускать без проверки не буду. В субботу придёт специалист. Я заплачу из тех денег, что заработал на шинах.

— Сколько проверка?

— Семь тысяч.

Виктор хотел предложить половину, но остановился.

— Пришли акт после проверки.

— Пришлю.

Они закончили разговор без новых клятв.

На кухне Лидия Андреевна поставила перед Виктором тарелку остывшей гречки и котлету. Таз из ванной стоял под столом: мастер уже заменил смеситель, вода не капала.

— Ну? — спросила мать.

— Закроют.

— Это я знала.

— В поликлинике будет кабинет до восьми. Машина для перевозок и скорая. Анализы по будням.

— Ночью?

— Пока ничего.

Она села напротив.

— Значит, всё зря?

— Нет. Теперь они сказали это вслух.

— От слов ночью теплее не станет.

— Не станет.

Виктор достал из кармана лист. Три вопроса были исписаны ответами. Четвёртый оставался чистым.

Он переписал на обороте девять случаев из журнала Софьи, два ожидания после полуночи, одну исправную местную машину и вторую в ремонте. Рядом написал: «Ночное наблюдение — нет помещения, штата, денег». Не «больницу отнимают». Не «всех бросят». Только то, что подтвердили при полном зале.

— Есть будешь? — спросила мать.

— Буду.

Он разогрел гречку сам. Пока сковорода нагревалась, отправил Розе Хамитовне короткое сообщение: «На собрании был как житель. От завода ничего не обещал». Потом поставил телефон экраном вниз.

До первого декабря оставалось девять дней. Старый корпус за это время безопаснее не становился. Нового ночного места пока не существовало даже на плане.

Но теперь пустоту между поликлиникой и машиной нельзя было спрятать за словом «маршрутизация». У неё были часы, девять записей в журнале и вопрос, на который область

обязалась ответить письменно.

Глава 6. Двести порций

Во вторник завод отменил вечернюю смену в сборочном цехе.

Об этом столовой сообщили в половине третьего, когда двести порций гречневой каши уже стояли в гастрорёмкостях, а куриные котлеты доходили в жарочном шкафу. Диспетчер производства позвонил Розе Хамитовне и сказал, что на подстанции меняют вводной автомат. Рабочих отпустят после четырёх. Ужин им не понадобится.

— Двести восемьдесят семь человек по заявке, — сказала Роза. — Вы вчера её подтвердили.

Виктор слышал только её половину разговора. Он стоял у раздачи и снимал крышки с ёмкостей, чтобы каша не запрела. Роза слушала, прижав трубку плечом, и записывала номер распоряжения.

— Электрики знали вчера, — сказала она. — Нет, я не спорю с ремонтом. Я спрашиваю, кто подпишет отмену питания после закладки продуктов.

Она добилась фамилии, положила трубку и велела Лене принести весы.

— Пересчитываем всё, что не вышло на раздачу. Отдельно ужин, отдельно остаток обеда. Ничего не смешивать.

Мансур приоткрыл жарочный шкаф.

— Котлеты готовы через семь минут. Остановить?

— Доводи. Полусырые мы никому не отдадим и завтра не сохраним.

На кухне сразу стало тише, хотя оборудование продолжало гудеть. Когда готовили к приходу людей, каждая минута вела к понятному часу. Теперь еда оставалась, а движения потеряли адресата.

Виктор взвесил первую ёмкость. Тридцать один килограмм восемьсот граммов. Лена записала. Во второй было чуть меньше. Котлеты считали поштучно, перекладывая на чистые противни. Двести девяносто четыре — с запасом на брак и добавку.

— Завтра дадим? — спросил Мансур.

— Кашу можно охладить по правилам и использовать в допустимый срок, если технолог подпишет, — сказала Роза. — Котлеты тоже, но объём большой. Завтра по меню рыба. Самовольно менять нельзя.

— Тогда в больницу, — сказала Лена. — Там людям ужин теперь не готовят.

Никто не ответил сразу.

Виктор накрыл первую ёмкость крышкой. После собрания он передал Коваль времена задержки и получил входящий номер. Письменного ответа ещё не было. В старом стационаре оставались люди, которых выписывали и переводили постепенно. Заказов на ужин столовая не получала с начала недели.

— Сколько их там сегодня? — спросил Мансур.

— Утром было двадцать два обеда, — сказал Виктор. — К вечеру могло стать меньше.

— Тем более. Нам двести не надо везти. Двадцать порций, и всё.

Роза взяла у Лены ведомость.

— Ничего не везём.

— Розочка, оно пропадёт, — сказал Мансур.

— Пока не пропало. Сейчас считаем и оформляем.

— А потом?

— Потом решит собственник продуктов и технолог.

Лена вздохнула.

— Собственник кашу есть не будет.

— Зато он заплатил за крупу, курицу, масло, электричество и вашу работу. Я не могу раздать это от его имени, потому что мне жалко выбросить.

Виктор снял перчатки.

— Можно позвонить в больницу. Пусть пришлют заявку задним числом, завод выставит счёт.

Роза посмотрела на него.

— Заявка задним числом называется не заявкой.

— Тогда сегодняшним числом. Еда готова, они примут по накладной.

— Кто оплатит?

— Больница.

— Из какой статьи? По какому договору? У них кухня закрыта, старый договор с поставщиком расторгнут, с нами

договора нет.

— Двадцать порций стоят меньше, чем оформление бумаг.

— Именно поэтому чужими двадцатью порциями распорядиться легко.

Роза говорила спокойно. Это злило сильнее, чем если бы она прикрикнула.

— Завод всё равно потеряет больше, если спишет двести.

— Не тебе решать, какую потерю завод может принять.

Она отдала ведомость Лене.

— Продолжаем считать. Виктор Петрович, ко мне.

В кабинете она закрыла дверь. На столе лежало распоряжение об отмене смены, только что пришедшее по электронной почте. Рядом — журнал списаний и папка больничных накладных.

— Я сказал про договор, — начал Виктор. — Не предлагал вынести через заднюю дверь.

— Пока не предлагал.

— И не предложу.

— Хорошо.

Роза села и открыла журнал.

— Ты знаешь, почему я сейчас запрещаю даже звонить в больницу?

— Чтобы не пообещали раньше оформления.

— И это тоже. В воскресенье сторож отдал два ящика заводских яблок школьной секции. Тренер попросил, дети по-

сле соревнований голодные. Яблоки лежали на складе и через неделю могли испортиться. Хорошее дело?

— Для детей — хорошее.

— В понедельник кладовщик не сошёлся на двадцать восемь килограммов. Сторож признался. Теперь объяснительная у него, у кладовщика и у меня. Если я скажу, что детям было нужнее, чем заводу, проверка закроет вопрос?

— Нет.

— Почему?

— Потому что сторож не мог решать.

— А ты можешь?

Виктор посмотрел на папку накладных.

— Нет.

— И я не могу. Я могу поставить вопрос директору, оформить возврат продуктов, переработку, реализацию сотрудникам по сниженной цене, благотворительную передачу. Но пока решения нет, каждая котлета принадлежит заводу.

— Люди в больнице не виноваты, что у нас смену отменили.

— И завод не виноват, что область закрыла кухню раньше палат. Ты опять выбираешь виноватого там, где нужен платёщик и ответственный получатель.

Виктор сел напротив.

— Если директор разрешит благотворительную передачу?

— Тогда нужен договор пожертвования или иной документ, санитарные условия, машина, тара, время изготовле-

ния, температура при передаче и подпись того, кто принял. Больница должна согласиться принять. Не санитарка у двери, не водитель, а уполномоченный человек.

— Всё это можно сделать.

— Сегодня до ужина?

Он посмотрел на часы. Было без десяти три.

— Если все захотят.

— Директор на совещании в области. Юрист до четырёх занят арбитражем. В больнице главный врач на выезде. Технолог сейчас считает, можно ли безопасно охладить двести порций. А ты уже мысленно грузишь двадцать в машину.

— Потому что каша остынет раньше юриста.

— Поэтому помощь не строят из случайного остатка. Сегодня у нас есть каша, завтра нет. Сегодня водитель свободен, завтра отвозит металл. Людей нельзя кормить системой «если повезёт».

Эта фраза задела точнее остальных. Виктор сам говорил на собрании, что человеку ночью нужно определённое место, а не надежда на свободную машину. Теперь он предлагал больнице такой же случайный ужин.

— Что делать сегодня? — спросил он.

— Работать по решению технолога. И собрать данные для нормального предложения, если хочешь. Себестоимость порции, упаковка, доставка, минимальная партия, кто принимает. Не выпросить разрешение на одну кастрюлю, а посчитать услугу.

— До первого декабря девять дней.

— Уже восемь.

— Тем более.

— Тем более не начинай с нарушения.

В кабинет постучала Лена. Технолог просила Розу к холодильной камере. Гастроёмкости нужно было быстро распределить по неглубоким лоткам и отправить на охлаждение, иначе середина долго останется тёплой.

Они вернулись в цех. Следующие сорок минут все занимались кашей. Её перекладывали тонким слоем, подписывали время и номер партии, освобождали полки. Горячие котлеты разносили по противням так, чтобы они не лежали друг на друге. Технолог измеряла температуру и диктовала Лене.

Виктор работал молча. Двести лишних порций не исчезли от того, что им нашли место. Они заняли почти всю камеру, вытеснили заготовки на завтра и заставили менять последовательность утренней работы.

В половине четвёртого в кухню пришла Нина из бухгалтерии. Она принесла ведомость сотрудников, желающих купить готовый ужин по внутренней цене. Информация разошлась по цехам, и люди, которых отпускали домой, начали записываться.

— Сто тридцать две порции уже есть, — сказала Нина. — Если разрешите по две в руки, разберут всё.

— По две нельзя, пока каждому из списка не хватит, — ответила Роза. — Выдача после оформления возврата с про-

изводства.

— Они сейчас уходят.

— Пусть ждут решения директора.

— Роза Хамитовна, автобус в четыре двадцать.

— Тогда директору лучше ответить до четырёх.

Она сама позвонила секретарю. Через десять минут пришло согласование: часть ужина реализовать сотрудникам по утверждённой цене, оставшееся после быстрого охлаждения использовать на следующий день с корректировкой меню. Рыбу перенести на четверг. Нина увела ведомость оформлять кассу.

— Вот, — сказала Роза Виктору. — Завод не списывает двести порций.

— А больница остаётся без ужина.

— Больница и до нашей отменённой смены оставалась без ужина. Не делай вид, что случайность создала нашу обязанность.

Виктор проверил телефон. Был пропущенный звонок от Софьи Мельник.

Он вышел в коридор и перезвонил.

— Вы на работе? — спросила она.

— Да.

— У вас сегодня случайно не осталось еды?

Виктор посмотрел через стекло двери. Лена выкладывала на прилавок контейнеры для заводчан.

— Почему спрашиваете?

— У нас восемнадцать человек. Четверых выпишут только утром. На ужин сухой паёк: галеты, чай, консервы. Один пациент после обострения желудка консервы не может. Я позвонила в две школы, но их пищеблоки уже закрыты.

— Еда есть, — сказал Виктор. — Отдать без оформления мы не можем.

Слова дались тяжелее, чем запрет Розы. Пока она говорила «нельзя», Виктор мог сердиться на неё. Теперь запрет прошёл через его рот.

— Я понимаю, — сказала Софья. — Спросила на случай, если у вас есть порядок передачи.

— Порядка нет.

— Тогда не рискуйте.

— Что будет с тем пациентом?

— Подберём из того, что есть. Каша быстрого приготовления, кисель. Он не останется голодным.

— Я могу купить порцию через кассу и привезти как частное лицо.

Софья помолчала.

— Одному пациенту?

— Одному, которому нельзя консервы.

— Тогда почему не восемнадцати?

— Остальные могут съесть паёк.

— Виктор Петрович, я не буду составлять список, кто достоин вашей личной котлеты. И не приму домашнюю передачу как больничное питание. Спасибо, что сказали честно.

Она завершила разговор.

Виктор стоял в коридоре с телефоном в руке. Ему казалось, что он нашёл аккуратное исключение. Софья показала, что исключение потребует от неё решить, кому достанется нормальный ужин, а кому галеты. Ещё утром он считал её союзницей. Теперь она отказала ему теми же словами, что Роза, только без журнала списаний.

К четырём возле столовой выстроилась очередь. Рабочие платили в кассу и получали контейнер с кашей и котлетой. Некоторые брали две порции после того, как прошли все записанные. Мужчина из ремонтного участка сказал, что ужин спасёт жену от готовки. Молодая женщина из сборочного цеха взяла один контейнер и спросила, нельзя ли второй для соседки. Лена проверила остаток и разрешила.

Виктор выдавал порции. Каждая уходила тому, кто заплатил, с чеком и отметкой. Еда не пропадала. Всё было сделано правильно. От этого не становилось легче.

Последними остались двадцать три котлеты и две ёмкости каши. Их охладили для следующего дня. Технолог подписала акт. Роза закрыла папку только после того, как сошлись вес, количество чеков и остаток.

— Теперь можно поговорить про больницу, — сказала она.

В кабинете они взяли старые калькуляционные карты. Виктор считал вслух: крупа, куриное мясо, лук, масло, соль. Роза добавляла работу, электричество, воду и мойку тары.

Потом упаковку. Одноразовые контейнеры были удобны, но для постоянной доставки обходились дорого и давали гору мусора. Многоразовые термосы требовали покупки, мойки и возврата.

— Доставка отдельной строкой, — сказала Роза.

— Заводская машина всё равно ездит по городу.

— Сегодня ездит. Договор не может зависеть от того, по пути ли водителю. Сколько километров туда и обратно?

— Восемь с половиной.

— Время?

— С погрузкой и подписью сорок минут, если дорога чистая.

— Пиши час. Зимой ворота, снег, ожидание получателя.

— Тогда дорого выйдет на двадцать порций.

— Поэтому нужен минимальный заказ или общая доставка с обедом.

Они дошли до строки «ответственный получатель» и остановились.

— Пока стационар работает, может принять дежурная сестра, — сказал Виктор.

— После первого декабря?

— В дневном кабинете — назначенный сотрудник поликлиники.

— После восьми?

Ответа не было. Отсутствие ночного места снова проявилось, теперь не в медицинской схеме, а в накладной. Нельзя

было привезти еду туда, где никто не обязан открыть дверь, проверить температуру и расписаться.

— Вот почему четвёртый вопрос идёт после первых трёх, — сказал Виктор.

— Какой четвёртый?

Он рассказал про лист на собрании.

Роза подвинула ему чистый бланк.

— Тогда считай без адреса, но не подставляй адрес сам. Предложение можно подготовить заранее. Договор подписывают, когда известен получатель.

До семи вечера они составили черновой расчёт на двадцать, тридцать и пятьдесят порций. При двадцати доставка делала каждую слишком дорогой. При тридцати цена становилась терпимой. Пятьдесят имело смысл только при обеде и ужине вместе. Виктор добавил особую строку для мягкой еды: каша, суп-пюре, кисель. Роза вычеркнула слово «диетическая».

— У нас нет права обещать лечебное питание, — сказала она. — Напишешь «щадающее меню по согласованной карте», если технолог подтвердит.

— Для обычного человека это одно и то же.

— Для обычного человека, может быть. Для договора — нет.

Виктор исправил.

На выходе Роза отдала ему копию расчёта.

— Это не предложение от завода, — предупредила она.

— Пока рабочий черновик.

— Понимаю.

— И Софье сегодня ничего не обещаю.

— Она сама мне запретила.

Он пересказал разговор.

Роза кивнула.

— Умная женщина.

— Восемнадцать человек ели галеты.

— Восемнадцать человек получили то, что больница официально предусмотрела. Если это плохо, менять надо обеспечение, а не носить пакеты по одному.

— Иногда пакет нужен сегодня.

— Иногда нужен. Тогда несёшь как родственник конкретному человеку и отвечаешь только за свой пакет. Но ты хочешь кормить учреждение. Это другая работа.

У проходной Виктор увидел двух рабочих с контейнерами. Один уже ел котлету пластиковой вилкой, не дождавшись автобуса. Каша парила на морозе. Виктор подумал, что мог бы купить все восемнадцать порций. Денег после платежа за мастерскую почти не осталось, но на один вечер хватило бы.

Потом представил следующий вечер. И ещё один. Стационар закрывался через восемь дней, однако люди, ожидающие перевозки, не исчезали вместе с датой. Личная покупка могла накормить их сегодня и одновременно избавить область от необходимости отвечать завтра.

Он не пошёл обратно к кассе.

Дома Лидия Андреевна ела вчерашний суп. Виктор поставил перед ней контейнер, который купил для себя.

— На заводе смену отменили, — сказал он. — Ужин продавали сотрудникам.

— А ты чего без своего?

— Не хочу.

Мать разделила котлету пополам и одну половину переложила на чистую тарелку.

— Тогда не ешь. Это на завтра.

— В больнице сегодня галеты и консервы.

— Ты поэтому на котлету обиделся?

— Не на котлету.

Он показал ей расчёт. Лидия Андреевна долго читала строки, водя пальцем по цифрам.

— Дорого, — сказала она.

— Потому что мало порций и отдельная машина.

— А если больница не заплатит?

— Тогда договора не будет.

— И что ты сделаешь?

— Не знаю.

— Знаешь. Купишь восемнадцать ужинов сам.

— Сегодня хотел.

— Почему не купил?

— Завтра снова понадобится.

Мать сложила лист.

— Наконец-то ты увидел завтра раньше, чем оно пришло.

Виктор убрал половину котлеты в холодильник. Потом открыл тетрадь с записями о больнице и добавил новый вопрос: кто оплачивает питание людей, ожидающих перевозки дольше четырёх часов. Рядом написал: «Не благотворительность столовой. Не личные деньги. Договор и получатель».

Двести порций оказались не подарком, который мешали отдать злые правила. Это были чужие продукты, чужая работа и чужая ответственность. Большую часть завод сумел использовать. Больнице от их случайного изобилия не досталось ничего.

Чтобы кухня действительно помогала, мало было открыть дверь и вынести кастрюлю. Нужно было, чтобы завтра нашлись деньги, машина и человек с правом поставить подпись. И чтобы послезавтра они нашлись снова.

Глава 7. Ночная одышка

Лидия Андреевна разбудила Виктора не голосом, а стуком чашки.

Было без четверти два. Он открыл глаза и сначала решил, что чашка упала на кухне. Потом услышал короткий скребущий вдох за стеной и босиком вышел в коридор.

Мать сидела на краю кровати, наклонившись вперёд. Одной рукой держалась за спинку стула, другой прижимала к груди ночную рубашку. Чашка лежала на коврикe, вода темнела возле ножки тумбочки.

— Не ложится, — сказала она.

Каждое слово занимало отдельный выдох.

— Где болит?

Она покачала головой и показала на грудь, но не так, будто там была боль. Будто воздух остановился перед ней и не входил дальше.

Виктор включил верхний свет. Лицо матери было серее обычного, губы сухие. Он потянулся за халатом, потом оставил его и набрал скорую.

Диспетчер спросила адрес, возраст, сознание, боль в груди, давление и хронические болезни. Виктор отвечал, глядя на мать. Про давление не знал. Тонометра в доме не было. Лидия Андреевна махнула рукой, когда он назвал её таблетки, словно это было лишней семейной подробностью.

— Посадите удобно, не укладывайте, откройте форточку, приготовьте документы и лекарства, — сказала диспетчер. — Ничего нового самостоятельно не давайте. Бригада направлена.

— Она в Озёрске?

— Бригада направлена, ожидайте.

— Сколько ждать?

— Машина освобождается с вызова на улице Мира.

Виктор посмотрел на часы: 1:49.

Он открыл форточку. В комнату вошёл ледяной воздух, штора прилипла к подоконнику. Мать задышала чуть ровнее, но всё ещё часто.

— Закрой, — сказала она. — Простынем оба.

— Пусть будет.

— Шапку надень тогда.

Она пыталась говорить привычно, и от этого ему стало страшнее.

Виктор принёс паспорт, полис, коробки с лекарствами. Не стал искать в интернете причины одышки и не дал таблетку, которую мать когда-то принимала от давления. Сел рядом, но не касался её, пока она сама не положила ладонь ему на предплечье.

Скорая приехала через двадцать одну минуту. Виктор засёк не нарочно: часы висели прямо над дверью.

Фельдшер Геннадий вошёл первым с красным чемоданом, за ним — водитель с переносным прибором и кислород-

ным баллоном. Геннадий был старше Виктора, с глубокими складками возле рта. Он поздоровался с Лидией Андреевной по имени и сразу попросил не рассказывать всё длинно.

— Сейчас только что чувствуете.

Он закрепил датчик на пальце, измерил давление, послушал грудь, приклеил электроды. Цифры называл водителю коротко. Виктор стоял у шкафа, чтобы не мешать.

— Кислорода маловато, давление высокое, — сказал Геннадий. — Боль есть?

— Нет боли. Не могу вдохнуть до конца.

— Раньше так было?

— Не так.

Геннадий дал кислород, потом лекарство по своему решению и снова измерил показатели. Через десять минут плечи матери опустились. Она перестала ловить каждый вдох, смогла сказать целую фразу.

— Теперь вы меня куда?

— Сначала посмотрим, как держится.

— Дома держится лучше всего.

— Это не показатель.

Он сказал Виктору принести тёплые вещи. Поедут в старый стационар: до закрытия оставалось несколько дней, ночью там ещё был врач и возможность наблюдать. Если показатели снова ухудшатся, вызовут перевозку в область.

Лидия Андреевна услышала.

— В область не поеду.

— Пока никто вас туда не везёт, — сказал Геннадий. — Но решение примем не по желанию и не по страху, а по состоянию.

Она посмотрела на Виктора так, будто это он позвал в дом чужие правила.

Он помог ей надеть шерстяные носки и кофту. В карман положил телефон, зарядку и очки. Сам натянул брюки поверх пижамы, взял куртку.

В машине было тесно и жарко. Лидию Андреевну усадили полулёжа, кислород оставили. Геннадий сел рядом. Виктору разрешили ехать впереди с водителем.

Старая больница ночью выглядела меньше, чем днём. Горело три окна. У входа лежал серый снег, продавленный колёсами. В приёмной их встретила Софья Мельник в синем халате поверх свитера.

— Опять вы, — сказала мать.

— Я здесь работаю, Лидия Андреевна.

— Пока.

Софья не ответила. Повторила измерения, посмотрела ленту кардиограммы и велела оставить Лидию Андреевну в палате возле поста до утра. Свободных пациентов там не было; одна кровать стояла у окна, вторая была застелена, но пустовала.

— Перевод сейчас не нужен? — спросил Виктор.

— Сейчас показатели стали лучше. Мне важно увидеть, не вернётся ли одышка без кислорода и после действия ле-

карства. Утром сделаем анализы и решим дальше.

— А если бы это было после первого декабря?

Софья подняла на него глаза.

— Не сейчас.

Он понял и замолчал.

Мать легла не сразу. Сидела на кровати, пока Софья заполняла карту. Виктор принёс ей воды и поправил подушку. Лидия Андреевна оттолкнула его руки.

— Не устраивай меня навечно.

— До утра.

— Вот и не суетись.

Он остался на стуле в коридоре. Геннадий с водителем уехали на следующий вызов. Софья каждые двадцать минут заходила в палату, проверяла давление и дыхание. Около четырёх Лидия Андреевна уснула.

Коридор был почти пуст. На стенах уже сняли часть указателей. Дверь бывшей кухни опечатали, тележка с чайником стояла возле поста. Виктор вспомнил двести порций, которые вчера нельзя было привезти сюда без получателя. Ночью получатель был: Софья. Но через несколько дней её смена в этом здании должна была исчезнуть.

В половине пятого она села рядом с ним.

— Похоже на скачок давления с начинающимся застоем, но утром будет яснее, — сказала она. — Пока стабильно.

— Вы правильно сделали, что оставили?

— Да.

— После закрытия с таким повезут в область?

— Возможно. Или оставят с бригадой до решения. Зависит от показателей.

— Она сейчас заняла кровать, кислород и ваше время. Не операционную, не двадцать пять коек.

— Именно.

— Значит, ваш журнал был про таких людей.

— В том числе.

Виктор посмотрел на закрытую дверь палаты.

— Я могу записать время?

— Для себя — что угодно. Для обращения мать должна согласиться. Не превращайте её в случай без её разрешения.

Он почувствовал стыд. Ещё час назад мать задыхалась у него на глазах, а теперь он уже примерял её ночь к вопросу на собрании.

— Я не буду ничего передавать без неё.

— Хорошо.

— Но вы сами можете учитывать обезличенно?

— В журнале — да. Там будет медицинская запись, не ваша история.

Софья вернулась к посту.

Утром у Лидии Андреевны взяли кровь, повторили кардиограмму и сделали снимок. Одышка не вернулась. Софья изменила лекарства и настояла, чтобы в тот же день мать осмотрел кардиолог по удалённой связи. В область ехать не пришлось.

— Домой отпустите? — спросила Лидия Андреевна.

— После консультации и ещё одного измерения.

— Значит, к обеду.

— Если всё спокойно.

Виктор позвонил Розе Хамитовне в семь утра. Рассказал только необходимое. Она переставила его на позднюю смену и велела не приезжать, пока мать не выпишут.

— Я могу к девяти успеть.

— Можешь. Но головой будешь здесь?

— Буду.

— Не будешь. Мансур закроет завтрак. Приедешь к обеду, если всё хорошо.

— Смену отработаю полностью.

— Потом решим.

Виктор не спорил. В этот раз помощь матери не отнимала деньги у мастерской и не требовала обещаний. Она требовала нескольких часов его времени, о которых он сообщил заранее.

Кардиолог вышел на связь в девять двадцать. Виктор ждал в коридоре, пока Софья и мать разговаривали в кабинете. Потом Лидия Андреевна вышла с листом назначений.

— Жить разрешили, — сказала она. — Но солить запретили.

— Ты и так мало солишь.

— Теперь буду говорить, что по назначению, а не потому что соль дорогая.

Она шла медленно, но без одышки. На крыльце остановилась и посмотрела на окна второго этажа.

— Домой пешком не пойду.

— Вызову такси.

— Вот и вся реформа.

В такси она молчала. Дома первым делом открыла форточку, которую Виктор ночью забыл закрыть. Потом поставила чайник.

— Сядь, — сказал он. — Я сделаю.

— Я не больная.

— Ночью была.

— Ночью всем хуже.

Он взял чайник из её руки.

— Софья сказала, что без наблюдения нельзя было оставлять.

— Софья отвечает за лечение, ты — за чайник. Каждый пусть делает своё.

Они сели за стол. Виктор положил рядом лист назначений и коробки с таблетками, сверил названия.

— Я хочу спросить, можно ли указать твой случай в обращении. Без имени.

Мать поставила чашку.

— Нет.

Он ожидал этого, но всё равно спросил:

— Почему?

— Потому что больницу закрывают не из-за моей груди.

И открывать должны не ради неё.

— Твой случай показывает, зачем нужно наблюдение.

— У них есть журнал врача. Пусть смотрят его. А ты не ходи по кабинетам с моей ночью в кармане.

— Я не собирался давить на жалость.

— Собирался давить на правду. Это тоже давление, если правда чужая.

Виктор убрал лист назначений в прозрачный файл.

— Хорошо. Не буду.

— И Антону не звони сейчас.

— Он должен знать.

— Узнает, когда проснётся. Скажешь: было плохо, врачи помогли, сейчас дома. Не начинай с того, чего могло случиться.

Виктор посмотрел на часы. В области было то же время, но Антон после вечерней работы в мастерской наверняка ещё спал.

— Позвоню после десяти.

— После одиннадцати. Молодые тоже люди.

Она отпила чай и поморщилась: без соли чай не изменился, но запрет уже испортил ей всё меню заранее.

В одиннадцать Виктор позвонил сыну. Сказал ровно так, как велела мать. Антон спросил, нужна ли дорога в Озёрск и деньги на лекарства.

— Не нужны. Я куплю после смены.

— Ты точно не скрываешь?

— Давление стабилизировали, до утра наблюдали, консультацию провели. Сейчас она дома и спорит из-за соли.

— Дай ей трубку.

Мать поговорила с внуком сама. Виктор ушёл в прихожую и собрался на завод.

Перед выходом он открыл тетрадь. Запись о ночном приступе не сделал. Вместо неё написал: «Личный случай использовать только с согласием. Врачебный журнал уже подтверждает функцию наблюдения».

Ниже добавил время: бригада прибыла за двадцать одну минуту, стабилизация заняла около десяти, наблюдение продолжалось до утра. Эти цифры он оставил для себя, не для письма.

В столовой Роза встретила его у мойки.

— Как мать?

— Дома. Лекарства поменяли.

— Тебе зачем сюда к двенадцати?

— У нас двести порций вчера сдвинули меню.

— Мы справились.

— Я вижу.

Рыбу перенесли, на раздаче стояли оставшиеся котлеты с новой партией гарнира. Ведомости сошлись. Кухня работала без него.

Роза налила ему чай.

— Страшно было?

— Да.

— Тогда не лечи страх работой. Посиди пять минут.

Он сел в её кабинете. На столе лежал вчерашний расчёт питания. Виктор перевернул лист цифрами вниз.

Старая больница этой ночью сделала именно то, чего не было в плане замены: дала матери кислород, кровать и время до решения врача. Для этого не понадобились двадцать пять коек. Понадобились одна свободная кровать, Софья и дверь, которая не закрылась в восемь.

Через несколько дней дверь должна была закрыться.

Виктор знал теперь не только вопрос, но и цену ответа. Однако ночь принадлежала Лидии Андреевне. Он не имел права отдавать её городу вместо документа, штата и денег.

Глава 8. Не довод

Утром Виктор поставил перед матерью таблетницу с четырьмя отделениями и сразу понял, что зря.

Лидия Андреевна посмотрела на прозрачную коробку, потом на сына.

— Меня выписали домой, а не в детский сад.

— Я только подписал дни.

— Я сорок лет табель заполняла. С понедельником справлюсь.

Он хотел сказать, что ночью она не могла дойти до кухни, но промолчал. Вчерашняя договорённость была простой: врачи меняют лечение, мать сама решает, кому рассказывать о приступе, Виктор не превращает её ночь в доказательство. Если он начнёт напоминать о ней за завтраком, запрет на собрании ничего не будет стоить.

Он снял с крышки полоску пластыря, на которой написал дни недели, и положил таблетницу рядом с коробками.

— Оставляю пустой. Захочешь — разложишь.

— Вот это уже похоже на помощь.

Мать открыла холодильник, достала кастрюлю с кашей и привычно потянулась к солонке. Рука остановилась на полпути. Она сердито задвинула солонку за банку с лавровым листом.

Виктор разогрел кашу, не предлагая сделать это за неё.

На столе лежал лист назначений. Рядом — его тетрадь с вопросами к областному управлению. Между ними оставалось расстояние в ладонь, но смешивать эти два листа он больше не собирался.

Сегодня Софья обещала передать ему не выписку матери, а обезличенную сводку ночных наблюдений за последние два месяца. Не диагнозы и не имена. Только время поступления, длительность ожидания решения и то, сколько людей после нескольких часов уехали домой, а сколько пришлось перевозить в область. Такую сводку она имела право подготовить для служебной записки. Виктору предназначалась копия без личных данных, если главврач подпишет.

— Ты опять в больницу? — спросила мать.

— После смены.

— За моей бумагой?

— Нет. За общей.

Лидия Андреевна поднесла ложку ко рту, подумала и снова опустила.

— Общая — это когда моего там нет?

— Там нет ничьего имени. И я не буду сверять строки, чтобы найти твою.

— Смотри не найди случайно.

— Не найду.

Она кивнула. Этого оказалось достаточно.

В заводской столовой Виктор пришёл первым из горячего цеха. До запуска котлов оставалось двадцать минут. Он про-

верил поступившую крупу, расписался в накладной и вместе с Мансуром перенёс мешки на сухой склад. Рыбные брикеты оттаивали в холодильной камере, свёкла уже стояла на плите. Работа вернула вещам их размер: мешок весил двадцать пять килограммов, котёл вмещал сто литров, на первую смену требовалось четыреста восемьдесят порций. Ничего не увеличивалось от страха.

Роза Хамитовна появилась у раздаточной с папкой под мышкой.

— Сегодня в три Коваль будет в поликлинике, — сказала она. — Рабочая встреча перед закрытием. Мне звонили из заводоуправления: хотят, чтобы кто-то от столовой присутствовал по питанию.

Виктор перестал перебирать ножи.

— Кто пойдёт?

— Я. Ты останешься на ужин.

Он почувствовал сначала облегчение, потом обиду и рассердился на себя за оба чувства.

— Правильно.

Роза поставила папку на стол.

— Что правильно?

— Что вы идёте как заведующая. Договор будет не со мной.

— Договор пока вообще ни с кем не будет. Они обсуждают, чем кормить людей до последнего дня и что делать после. Но ты считал тару и рейсы. Дай листы.

Виктор достал из шкафчика расчёт. На первом листе стояли две сотни условных порций, цена продуктов и время поваров. На втором — мойка, одноразовая посуда для тех случаев, когда возвратной тары не хватит, и отдельный рейс. Он уже дважды исправлял цифры после разговора с кладовщицей.

— Здесь нет ночного питания, — сказал он. — Только дневная поставка, если в поликлинике будет ожидание.

— Так и подпиши. А то на совещании решат, что суп умеет дежурить до утра бесплатно.

Он написал сверху: «Расчёт для дневного приёма. Ночная смена и доставка не учтены».

Роза полистала бумаги.

— Про мать будешь говорить?

— Нет.

— Совсем?

— Она запретила. Софья даст общий журнал.

— А если спросят, почему ты так в это влез?

Виктор посмотрел на часы над дверью. Через семь минут нужно было ставить соус.

— Скажу, что увидел ноль ужинов в заявке.

— Это было раньше.

— Значит, не совру.

Роза закрыла папку.

— Хорошо. Только не делай вид, будто тебе всё равно. Люди сразу слышат, когда человек прячет личное и выдаёт

себя за счётную машину.

— А как сказать, не рассказывая?

— Скажи, что вопрос стал для тебя личным. Подробности не обязан отдавать.

Она унесла расчёт, а Виктор занялся соусом. Муку нужно было прогреть так, чтобы она потеряла сырой запах, но не потемнела. Мансур подал масло. Виктор размешивал венчиком и думал, что на собрании всё устроено сложнее: если убрать из речи любое чувство, останутся сухие числа, которым никто не поверит; если выложить страх на стол, он закроет числа собой.

К одиннадцати обед пошёл на раздачу. Электрики пришли раньше, литейный задержался. Виктор видел лица только по несколько секунд: поднос, тарелка, гарнир, котлета, следующий. Один из слесарей спросил, правда ли больницу закрывают уже в понедельник.

— Стационар закрывают по графику, — ответил Виктор.

— А мать твоя там ночью лежала?

Ложка с соусом замерла над тарелкой.

— Кто сказал?

— Город маленький. Машину у дома видели.

За слесарем стояло ещё шесть человек. Они перестали разговаривать.

— Мать дома, — сказал Виктор. — Остальное спросите у неё, если она захочет ответить.

— Да я без плохого. Говорят, еле откачали.

— Неправильно говорят. Следующий.

Он положил соус на котлету и протянул тарелку. Слесарь отошёл, не обидевшись, но очередь загудела тише. Через минуту Мансур толкнул Виктора локтем.

— Иди на мойку. Я постою.

— Почему?

— Потому что у тебя сейчас каждому будет по разному весу.

Виктор посмотрел на последнюю тарелку: соуса действительно было больше нормы. Он отдал половник Мансуру и ушёл в моечную. Там гремели кассеты, горячий пар садился на кафель. Он простоял возле раковины, пока дыхание не стало ровным.

Слух уже сделал то, от чего мать пыталась защититься. Ночь превратилась в городскую историю без её согласия: «лежала», «еле откачали», «закрывают в понедельник». Если Виктор повторит её на встрече аккуратнее, история всё равно останется чужой. Запрет матери не был попыткой скрыть слабость. Она хотела, чтобы решение принимали не потому, что одна знакомая женщина оказалась матерью настоящего повара.

После обеда Роза позвонила из поликлиники.

— У них перенесли встречу на пять. Я не успею вернуться к вечерней раздаче. Справитесь?

— Справимся.

— Коваль просит привезти исходный расчёт с подписями

кладовщика. У меня копия без последнего листа.

— Передам с водителем.

— Водитель на выезде. Привези сам и возвращайся. Полчаса тебе дам, не больше.

Виктор сложил листы в прозрачную папку. Перед уходом проверил вечернее меню с Мансуром, показал, где стоят подготовленные противни, и записал время закладки. Он не хотел, чтобы встреча с Коваль снова выглядела важнее его работы.

В поликлинике пахло мокрыми бахилами и краской. В дальнем крыле ремонтировали кабинеты: вдоль стены лежали новые плинтусы, дверь процедурной была заклеена плёнкой. В бывшем актовом зале поставили длинный стол. Роза сидела рядом с Софьей. Напротив устроились Елена Коваль, главный врач района Белов и мужчина из хозяйственного отдела. На подоконнике остывал электрический чайник.

— Документы привёз? — спросила Роза.

Виктор отдал ей папку.

— Тогда беги обратно.

Софья подняла руку.

— Подождите минуту. Я получила подпись на сводке.

Она протянула Виктору два листа. В таблице не было фамилий. Только номера строк, часы поступления, длительность наблюдения и исход: домой, плановая госпитализация, срочный перевод. За два месяца ночью оставили одиннадцать человек. Семерых после наблюдения отпустили домой,

троих перевели утром, одного увезли срочно после ухудшения. Самое короткое наблюдение длилось два часа десять минут, самое длинное — семь часов сорок.

Виктор не искал знакомую дату. Начал читать итоговую строку, где Софья написала от руки: «После закрытия круглосуточного поста функция временного наблюдения в утверждённой схеме не определена».

— Можно это приложить к обращению? — спросил он.

— Копию можно, — ответил Белов. — Диагнозов и личных данных нет. Исходные карты остаются у нас.

Елена Сергеевна сняла очки.

— Эта сводка уже зарегистрирована как служебная записка. Ваше обращение не нужно, чтобы мы её увидели.

— Хорошо.

Она, кажется, ожидала возражения.

— Просто хорошо?

— Да. Важно, чтобы она была у тех, кто меняет схему.

Коваль посмотрела на бумаги в его руках.

— Мне сообщили, что на этой неделе ваша семья сама пользовалась ночным наблюдением.

Роза повернула голову к Виктору. Софья положила ладонь на закрытую папку.

— Моя мать запретила использовать её случай, — сказал Виктор. — Я не буду его обсуждать.

— Я не прошу диагноза. Мне важно понимать, нет ли в вашей позиции личной заинтересованности, которую вы не

обозначили.

— Есть. Я испугался за мать. Но пункт наблюдения нужен не потому, что это была моя мать. В сводке одиннадцать строк. Я не знаю, которая её, и знать не хочу.

Мужчина из хозяйственного отдела перестал листать смету. В комнате стало слышно, как в коридоре катят тележку. Коваль надела очки.

— Справедливый ответ. Но личный опыт иногда заставляет требовать сохранения учреждения любой ценой.

— Я не требую сохранять аварийный корпус.

— На городском собрании это требовали почти все.

— Я тоже сначала спрашивал, почему нельзя оставить больницу. Теперь спрашиваю, где человек проведёт эти два, четыре или семь часов после восьми вечера. Это другой вопрос.

Софья подвинула к Коваль свою записку.

— И это мой вопрос как врача, а не вопрос семьи Журавлёвых.

Главврач Белов постучал пальцем по строкам.

— У нас есть дневной кабинет неотложной помощи. Можно продлить его до десяти на переходный месяц.

— А после десяти? — спросила Софья.

— Скорая принимает решение о перевозке.

— Где принимает? В машине? У пациента дома? Если состояние стабилизировали, но отпускать рано, бригада должна остаться на несколько часов. Тогда в районе не будет ма-

шины.

Коваль сделала пометку.

— Для круглосуточного поста нужен штат. Врач ночью в поликлинике не предусмотрен.

— Не обязательно начинать со слова «врач», — сказала Софья. — Нужны четыре места, кислород, возможность повторить измерения, дежурная медсестра и врач, который отвечает за решение очно или приезжает по вызову. Я не предлагаю схему сейчас. Я перечисляю функцию.

— Без схемы функция остаётся пожеланием.

— Поэтому мы и сидим здесь до закрытия, а не после первого ночного случая.

Виктор посмотрел на часы. Из отпущенных Розой тридцати минут прошло семнадцать. Он должен был вернуться к закладке ужина. Но на столе лежал его расчёт питания, и Елена Сергеевна уже перелистывала последний лист.

— Здесь доставка рассчитана один раз в день, — сказала она.

— Да. Для людей, которые ждут днём, — ответил Виктор. — Ночью этот расчёт не работает.

— Если будет четыре места наблюдения, потребуется завтрак и ужин.

— Потребуется новый расчёт и договор. Один термос на все случаи я не обещаю.

Роза едва заметно кивнула.

— Заводская столовая не может кормить медицинский

пункт остатками, — сказала она. — Только по заявке, с получателем и оплатой. Иначе однажды еды не хватит нашим рабочим, а отвечать будут повара.

— Мы не просили бесплатных остатков, — заметил хозяйственник.

— Пока не просили. Но в городе уже спрашивают, почему мы не отдаём лишнее. Лишнее появляется только после того, как кто-то не пришёл на обед. На нём нельзя строить круглосуточную службу.

Виктор убрал сводку в папку.

— Мне пора на смену.

Коваль подняла взгляд.

— Подождите. Вы собирали случаи задержек транспорта?

— Один видел сам. Остальные нужно спрашивать у водителей и больницы. Без имён пациентов.

— К пятнице сможете дать перечень рейсов за последний месяц?

— Нет.

Слово прозвучало резче, чем он хотел. Елена Сергеевна отложила ручку.

— Почему?

— Потому что я повар и у меня нет доступа к путевым листам. Если Игорь согласится показать время выезда и возвращения без адресов, я помогу сложить часы. Но запросить документы должны вы или главврач.

Белов потёр переносицу.

— Я запрошу журнал санитарной машины.

— И резервной из Соснового, — добавила Софья. — Иначе получится, что на бумаге у нас две.

Коваль записала оба пункта.

— Хорошо. Виктор Павлович, от вас нужен только комментарий по фактической доставке питания и, если водитель согласится, пояснение к задержкам. Не сбор медицинских сведений.

— Это смогу.

Он встал.

— И ещё, — сказала Коваль. — Я не буду ссылаться на случай вашей матери. Но не обещаю, что о нём не заговорят на открытом собрании. Город небольшой.

— Тогда я скажу то же самое: это не довод.

— Почему не довод? — спросил хозяйственник. — Очень даже наглядный случай.

Виктор застегнул куртку.

— Потому что помощь не должна зависеть от того, чью мать знают в столовой. Довод — одиннадцать ночных наблюдений и неопределённая замена. А моя мать — человек, который не давал согласия быть примером.

Он вышел в коридор. Софья догнала его у гардероба.

— Вы правильно сказали.

— Поздно. Уже весь завод знает.

— Слух и документ — разные вещи.

— Для неё не очень.

— Для решения разные. Вы не сможете запретить людям говорить, но можете не приносить слух от своего имени.

Она поправила бейдж на халате.

— Я оставила в сводке все одиннадцать строк. Если убрать последнюю ночь, будто бы защищая вашу мать, итог тоже станет неправдой.

— Я понимаю.

— Там нельзя узнать её. Даже по времени: интервалы округлены, даты заменены номерами недель.

Виктор ещё раз посмотрел на лист. Софья предусмотрела то, о чём он не догадался.

— Спасибо.

— Не за что. Идите кормить завод.

Он вернулся в столовую за четыре минуты до закладки. Мансур уже прогрел шкаф и выставил противни.

— Я думал, ты там останешься министром, — сказал он.

— Не взяли.

— Хорошо. У нас запеканка садится без руководства.

Они загрузили противни. Виктор проверил температуру, записал время и только потом снял куртку. Роза вернулась через час, когда ужин уже стоял на раздаче.

— Коваль поручила Белову собрать рейсы, — сказала она.

— А нас попросили посчитать два варианта: только дневное питание и завтрак с ужином для четырёх мест.

— Срок?

— Пятница.

— Успеем.

— Не за счёт основной смены.

— После закрытия посчитаю.

— После закрытия ты пойдёшь домой. Завтра выделю час вместе с бухгалтером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.